

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

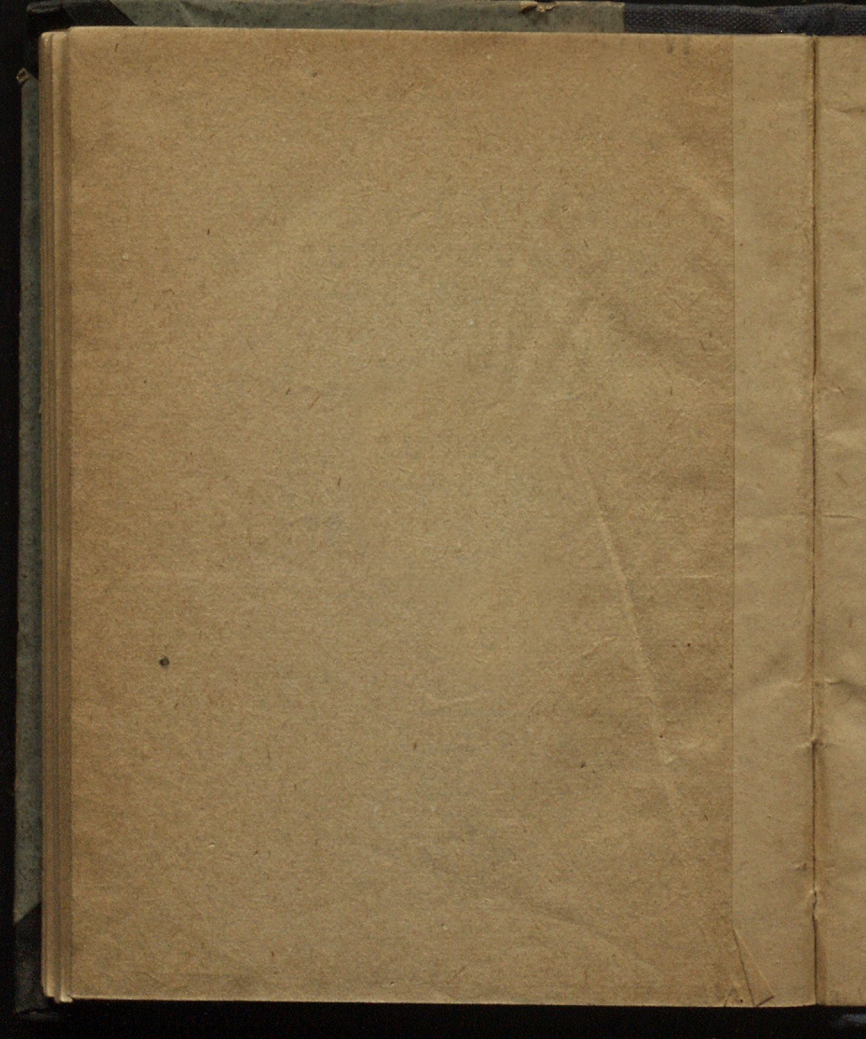

ГОЛЛАНДИЯ
МУЛЬТАТУЛИ
РАССКАЗЫ

ВЫПУСК
№ 2

ПЕТЕРБУРГ
МСМХІХ

Вып. № 2.

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

МУЛЬТАТУЛИ

W 45 M U L T A T U L I

— 1820 — 1887 —

187.

РАССКАЗЫ

ПЕРЕВОД А. Л. ЧЕ-
БОТАРЕВСКОЙ
ПРЕДИСЛОВИЕ
Р. ГРИГОРЬЕВА

XIX 11026

П Е Т Е Р Б У Р Г
— 1 9 1 9 —

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
при Народном Комиссариате по Просвещению.

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Мультиатули“—значит по-голландски „Много-страдальный“. Таким именем недаром подписывал свои произведения выдающийся голландский писатель Эдуард Дауэс Деккер. Он, действительно, выстрадал все то, что создал, и каждая строка его писаний впитала в себя всю горечь трезвого ума, пытливо исследующего язвы общественного уклада, всю боль пламенного сердца, возмущенного жестокостью, грязью и лицемерием человеческих отношений.

Мультиатули-Деккер родился 2 марта 1820 г. в Амстердаме,—главном торговом и промышленном порту Нидерландского королевства (Голландии). Отец его—капитан торгового купеческого судна,—готовил сына к коммерческой деятельности, но молодого и пылкого Эдуарда не привлекал мир прилавка и плутней. Он предпочел 18-летним юношей отправиться на другой край света—в индийские колонии своей родины.

Как известно, маленькая Голландия владеет в Ост-Индии количеством земель, во много раз превышающим ее собственную величину. Из

богатейших островов, расположенных между Южно-Китайским морем и Индийским океаном (назовем главные—Суматра, Ява, Борнео, Целебес) она извлекает огромные богатства. Колониальная политика Голландии,—не представляющая исключения из обще-европейской колониальной политики „цивилизованных“ капиталистических государств,—построена на самой чудовищной эксплуатации туземцев, на самых грубых насилиях и жестокостях над миллионами несчастных цветных людей, населяющих этот благословенный край. Один из способов „мирного“ управления колониями заключается в том, что правительственные чиновники сажают в разделяемые на мелкие округа области местных царьков, через посредство которых выкачивают из населения все, что им нужно. В свою очередь, царьки, пользуясь полной безнаказанностью и покровительством европейцев, бесчеловечно угнетают и грабят народ.

Сотни и тысячи чиновников, дельцов и проходимцев приезжали в колонии для того, чтобы делать „карьеру“, легко разбогатеть, выслужиться, добиться почета и отличий, пожить в безумной роскоши, окружить себя бессловесными рабами. И только один Мультатули увидев в темнокожих братьях, полюбил и великой человеческой жалостью пожалел этих несчастных, простых и наивных „дикарей“, отданных в жертву слепому и злому чудовищу капитализма, крестный Мьяма, конечно, чика „имевший века; по со слов пать и угнетены бами, пипиющие безответственности, казнь давать л годами в заработок место. беспокое доверия силий ночам, сделать с начальными вышли ияться истощи всегда Но с приезде

между лизма, строящего благоденствие немногих на крестных мучениях людского множества.

Мятежный и честный Мультиатули не годился, конечно, для роли „доброевещного“ приказчика „культурной“ буржуазной Голландии. Он, имевший слабость видеть в цветном рабе человека; предпочитавший обращаться к туземцам со словом, а не с винтовкой; дерзавший выступать против князьков-резидентов в защиту угнетенных; докучавший властям своими жалобами, протестами, заявлениями по поводу вопиющих злоупотреблений, проделываемых над безответным населением,—не мог, разумеется, снискать расположения начальства. И семнадцать лет, проведенных им в колониях, были годами лишений, нужды, потерь и исканий. В заработка, непрерывных кочеваний с места на место. Одна только награда доставалась этому беспокойному и „неудобному“ человеку: это—доверие и любовь его подзащитных, жертв насилий и произвола. Они приползали к нему по ночам,—из страха быть узванными,—чтобы передать свои жалобы этому удивительному „нажалить в чальнику“—заступнику. Они тайком толпой выходили за много верст вперед, чтобы поприще увидеться и поклониться в последний раз, когда великой истощив последнее терпение, Мультиатули несчастлив всегда покинул колонии.

Но он не забыл своих темных друзей. По приезде на родину, Мультиатули нищий и долуж-

голодный, опубликовал книгу, которая была пощечиной, громким вызовом всей стране. В этой книге (называется она „Макс Хавелаар или торговля кофе Голландского Торгового Общества“) Мультатули с беспощадной правдивостью обрисовал положение в колониях. Картина организованного разбоя и грабежа, бесконечных издевательств над измученными людьми, внедрение европейской „культуры“ путем самооткровенного, ничем неприкрытого, насилия, — раскрылась в романе Мультатули с такой яркостью и убедительностью, что самые тонкие ухищрения не могли заставить правящие круги Голландии сделать вид, что книги Мультатули не существует. Сам автор определил свое произведение, как крик: „держи вора“, как „кинжальный напев“, который должен быть заронен в души несчастных мучеников.

И воры встрепнулись, ибо впечатление от книги было потрясающее. Дошло даже до парламентского запроса, где о разоблачениях Мультатули сказано было, что они заставили вздрогнуть всю страну. Чтобы как-нибудь ослабить силу этой книги-бомбы, брошенной среди белого дня, пытались ставить всяческие препятствия ее распространению. Издатель романа, справедливо полагая, что книга „способна возбудить умы“, напечатал ее в крайне ограниченном количестве экземпляров, назначив, к тому же, высокую цену. Несмотря на огромный спрос на

книгу
тель
явля
жить
Н
остал
прак
прои
и пи
мяте
и в
ного
Хаве
М
кого
прот
ца и
Б
мый
прои
Все,
вож
дали
сате
жен
мер
зрен
созд
сле
душ

книгу, издатель, приобревший на нее исключительное право, отказывался ее переиздавать, заявляя, что он купил роман „с целью уничтожить“.

Но великое дело было сделано, и хотя все осталось по-прежнему и непосредственных практических результатов Мультипули своим произведением не достиг,—ибо не дано книгам и писателям вершать судьбы истории,—все же мятежная искра протеста не прошла бесследно, и в богатом арсенале борьбы против современного уродливого общественного уклада „Макс Хавелаар“ занимает одно из почетных мест.

Мультипули не принадлежал к числу тех, кого обескураживают житейские невзгоды. Напротив, они еще более зажигали его дух бойца и освободителя.

Без средств, без прочного заработка, гонимый и непризнаваемый,—он продолжал свою проповедь, не уставал сеять горькое семя правды. Все, чем болели лучшие сердца пророков и вождей человечества, нашло свое отражение в дальнейших произведениях голландского писателя. Приниженность и рабское положение женщины в современном обществе, его лицемерная „мораль“, клеймящая позором и презрением девушку-мать, человеческая глупость, создающая себе на шею кумиры и божества из слепой „веры“ и „власти“, калечение детских душ, понятие о чести, долге, правосудии, сво-

— 25 —
ляющиеся к преклонению перед рублем,—все это,—в форме ли романа или пьесы, сказок или притч, то гневно-бичующе, то с оттенком боли и нежной грусти—встречаем мы в его семитомных „Идеях“, „Любовных письмах“ и других писаниях. Не надо забывать при этом, что произведения Мультатули созданы полвека и более тому назад, когда многие из его мыслей, казавшиеся теперь обыденными и привычными, были в то время исключительно—до дерзости—новы и смелы, являясь резким вызовом всем взглядам и понятиям окружавшей писателя среды. Мультатули являлся, воистину, революционером и бунтарем, предвестником нового общества, очертания которого еще трудно было предугадать. И он всю свою жизнь прожил, как бунтарь и мятежник, лишенный пристанища и своего угла, в вечных скитаниях, в постоянной борьбе за кусок хлеба для себя и семьи.

Лишь последние несколько лет своей жизни, уже больным и надломленным стариком, прожил он в спокойствии и мирном труде. Он скончался 19 февраля 1887 года, в возрасте 67 лет.

В настоящем сборнике читатели найдут лишь некоторые отрывки из его произведений: „Скупный рассказ о буйволах“, где с ясной и величавой простотой повествуется о горестной жизни колониальных туземцев; полные глубокомысла, порой насмешливо-ядовитые, порой

трогат
быть,
и неу
но, ка
тикам
стем

—
страда

—
И
ле“, к
снова
нок”—
одевал

Му
дений
нервн
том,
как
обрет
облеч
Муль
друго

—
тый
Му
стей
И

*) Н

трогательные сказки, притчи и рассказы. Может быть, форма его писаний покажется устарелой и неуклюжей. Может быть, в ней, действительно, как издевался Мультипули над своими критиками—„слог неровен, мало таланта, нет системы“.

— Хорошо, хорошо, хорошо,—отвечал „Много-страдальный“:

— Но яванцев *) истязают!

И в другом месте—в притче „О доброй воле“, которую читатель найдет ниже,—писатель снова подчеркивает, что важнее всего „ребенок“—истина, а не платье, в которое его одевают.

Мультипули не „отделял“ своих произведений. Все они носят отпечаток горячности, нервности, каждая строка свидетельствует о том, что писатель, прежде всего, стремится, как можно скорее, выкрикнуть человечеству обретенную им истину... И если она не всегда облечена в должную художественную форму, то Мультипули в праве применить к себе слова другого великого писателя:

— „В битвах жизни подо мной пал крылатый конь поэзии“.

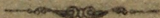
Мультипули—борец против несправедливостей и неустroения жизни.

И все трудящиеся и обездоленные той жизнью,

*) Жителей о. Явы.

против которой поднял бунт Мультипли, —
должны знать и помнить „Многострадального“,
выражавшего, — по словам одного писателя, —
стремление человека к свободе и протест про-
тив стеснений с такой силой, что она „грозит
сорвать крышки с переплетов его книг“.

Раф. Григорьев.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЛАСТИ.

Первая легенда о власти.

— Брат мой, о, ты, который выше меня, доста́нь мне с дерева гранат. Он, как красавица с полуоткрытыми устами, улыбается мне из-за огненных цветов и темной зелени. Видишь, он вполне созрел и даже раскололся, и пурпуром горят края раны, которою он старается привлечь меня. Мне страстно хочется достать этот гранат, о, брат мой! Ты, который выше меня, протяни руку и сорви, чтобы я мог его с'есть!

Брат исполнил просьбу, и младший мог есть.

Вскоре после этого старший брат пошел бродить по полям и увидел дикую козу, спустившуюся с гор в долину и искавшую своего козленка.

— Не видал ли ты моего козленка? — сказала коза, обращаясь ко льву, — ты живешь в долине и знаешь все тропинки, столь мучительные для моих слабых ног с раздвоенными копытами.

— Брось искать козленка, — отвечал лев, — и приходи ко мне, чтобы я тебя с'ел.

И лев сделал, как сказал.

— Зачем ты с'ел козу, искавшую своего козленка? — спросил у льва старший брат.

— Ты слышал, как она жаловалась на неспособные ноги, — отвечал лев. Разве я поступил неправильно, с'ев ее?.. Посмотри на мои

когти, как они «приспособлены»! Взгляни, какие у меня зубы! Вот почему я с'ел козу!

Юноша задумался и посмотрел на свои руки, которые были длинные, крепки и мускулисты. Он счел их настолько «приспособленными», что... решил заставить младшего брата служить себе.

Когда младший брат снова попросил нарвать плодов, то он ему ответил:

— Взгляни на мои руки! Не сказал ли ты, что твоими ты не можешь достать граната? Служи мне, а не то я тебя с'ем?

С этой минуты младший брат стал служить старшему. Но он не радовался открытию, которым старший брат был обязан льву.

Так это осталось и до сих пор.

Вторая легенда о власти.

Вольтер *) сказал: «Если бы не было Бога, то пришлось бы его выдумать». Само собою разумеется! Всякая власть от Бога. Кто хочет власти, хочет Бога. Кто нуждается во власти, в авторитете, тот создает себе Бога. Так поступали Моисей, Конфуций, Зороастра, Нума, Колумб, Кортес (**). Так поступали народные вожди, авгуры (***), волшебники, жрецы. Так поступает и в наше время всякий, кто хочет властвовать.

*) Знаменитый французский мыслитель и писатель конца XVIII века.

**) Моисей — библейский пророк, основатель еврейской религии; Конфуций — китайский мудрец и основатель китайской религии; Зороастра (или Заратустра) — основатель религии персов; Нума (Помпилий) — второй царь римский и основатель религии древних римлян; Колумб — знаменитый испанский мореплаватель, открывший Америку; Кортес — индеец, завоевавший Мексику и открывший Калифорнию.

***) Так назывались в древнем Риме хронисты, предсказывавшие события по календарю и по звездам.

Количество богов, поэтому, столь же велико, как число желаний. Для каждого нового желания — новый бог.

Голлоуэй *) превращает в богов неизвестных врачей, которые приказывают вам покупать его пилюли. «Так хочет Господь», говорит Моисей; «так хочет доктор Такой-то», — говорит Голлоуэй. — Будьте послушны и покупайте, и оба прибавляют: «Иначе вы погубите душу».

Некая служанка пошла гулять с детьми своего господина. Ей приказали хорошенько смотреть за ними. Но, подите-ж, дети были непослушны и разбежались, так что ее приемотр и заботы были ни к чему.

Тогда она из «ничего» создала черную собаку, которая должна была искушать каждого ребенка, не желавшего оставаться вблизи няньки. И дети страшно испугались этой собаки, и стали послушны, и не отходили от нее. В глубине сердца она взглянула на бога, которого создала и нашла, что он хорош.

Дети же, вследствие постоянного страха перед собакой, лишились рассудка.

В таком виде они остались и по сей день.

Третья легенда о власти.

Один путник вез много золота и серебра. Из боязни разбойников он запасся оружием. За ним во множестве следовали его слуги, которых было больше, чем всех разбойников в стране, вместе взятых. Он был так хорошо вооружен и у него была такая хорошая свита, что

*) Автор имеет, очевидно, в виду какого-нибудь аптекаря, своего современника.

целое войско не могло бы отнять у него его сокровищ.

Некоторые разбойники, не знавшие этого, пробовали нападать на него, но потом долгое время раскаивались, если не погибали от меча тут же.

Один из них, умудренный опытом собратьев, попросил совета у святого отшельника, который знал все, так как долго прожил в одиночестве.

— Что мне делать, святой человек, чтобы овладеть сокровищами путешественника?

— Средство простое, — отвечал благочестивый отшельник. — Накинь ему на шею веревку, которую я тебе дам, и тогда он не сможет оказать никакого сопротивления. Он повелит слугам преклониться перед тобою до земли и дать тебе то, чего ты хочешь.

Как предсказал святой отшельник, так и случилось. И путнику, и всем, сопровождавшим его, пришлось при этом очень плохо.

Эта веревка звалась «вера», и сохранила свою силу вплоть до нынешнего дня.

Четвертая легенда о власти.

— Скажи, отец, почему солнце не падает?

Отец смутился, потому что не знал, почему солнце не падает, и наказал сына за то, что тот его смутил.

Дитя испугалось отцовского гнева и никогда не спрашивало больше родителя ни о том, почему солнце не падает, ни о многих других вещах, которые ему, однако, страстно хотелось знать.

Это дитя никогда не превратилось в мужчи-

ну, несмотря на то, что прожило на свете шесть тысяч лет... нет, даже гораздо больше.

Дитя осталось тупым и неразумным и по сей день.

Пятая легенда о власти.

— Куда, о Филоинос? — спросил Гидор товарища, которого встретил на улице Афин.

— Тороплюсь выпить три меры плохого вина, которое ожидает меня у безобразнейшей из моих трех любовниц, — отвечал Филоинос, пошатываясь.

Он был пьян.

— Пойдем со мною, вина с тебя достаточно, а любовниц боюсь, черезчур много.

— Три, Гидор, три! Так сказал учитель. Три... сказал он!

— Учитель говорил не о вине и не о гетерах *), пойдем со мною...

— Он сказал: три!

И Филоинос упал в третий раз за этот вечер. Но на этот раз он уже не поднялся.

В таком положении он остался и по сей день.

Шестая легенда о власти.

У родителей появился на свет первый ребенок. Мать была в восторге, отец также не мог на него насмотреться.

— Но, скажи мне, Гений, всегда ли он останется маленьким? — спросила мать, и прибавила: — сама не знаю, хочу ли я этого, или нет? Я очень желала бы видеть его взрослым, но мне было бы жаль, если бы он изменился настолько,

*) Публичные женщины в древнем мире.

что я не смогла бы уже носить его на руках и кормить грудью.

— Твое дитя станет взрослым человеком, — сказал Гений. — Оно недолго будет питаться твоею грудью. Настанет время, когда ты не сможешь носить его на руках.

— О, Гений, — воскликнула испуганная мать, — неужели мое дитя уйдет от меня? Научившись бегать, оно уйдет от меня? Что сделать мне, чтобы дитя не ушло от меня, когда научится ходить?

— Люби свое дитя, — сказал Гений, — и оно не уйдет от тебя.

Так оно и было! Так оно в течение некоторого времени и оставалось. Но в конце концов, родилось много детей. И многим родителям было тяжело любить всех этих детей.

Тогда выдумали заповедь, которая, как многие заповеди, должна была заменить собою любовь. Легче дать заповедь, чем дать любовь. «Чти отца твоего и мать твою»!

Но несмотря на это, дети покидали родителей, как только выучивались ходить. К заповеди прибавили обещание: «Да долголетен будешь на земле».

После этого некоторые дети остались у родителей. Но они остались не так, как разумела первая мать, когда спрашивала у Гения: «Что мне делать, чтобы дитя не покинуло меня, как только выучится ходить?»

Так все это осталось и по сей день.

Седьмая легенда о власти.

«Первым королем был счастливый воин», — сказал Вальтер, — «но я не знаю, правда ли это».

Столь же возможно, — даже более, чем столь же, — что первым королем был некто, водивший знакомство с отшельниками, одолавшими веревки.

Следующий рассказ, однако, вполне согласен с истиной.

Кратес обладал громадной силой. Большим или средним пальцем он ломал брустверы из дубов и мог одним ударом убить тринадцать врагов. От его кашля загорался воздух, а луна начинала колебаться уже при одной мысли его о движении.

В силу всех этих заслуг Кратес сделался королем.

Почаствовав некоторое время, он умер.

У маленького Кратеса, его сына, была английская болезнь, что, однако, не помешало ему пожелать сделаться королем после отца, обладавшего такою силой.

Он сел в кресло, назвал его троном и сказал:

— Я — король!

— Почему ты — король? — спрашивал народ, который был еще глуп и не имел понятия о престолонаследии.

— Потому что моя мать жила в одной хижине со старым Кратесом, который теперь умер.

Он собственно сказал: дворце, но то была хижина.

Народ не был знаком с логикой, и когда Кратес II говорил: «сидите ко мне!» все разбегались. Когда он говорил: «уходите!» то все бежали к нему, сломя голову. Короче говоря, авторитет был расшатан, а Кратес № 2 был слишком недогадлив, чтобы проводить свою волю путем противоположных приказаний.

В оппозиционной газете того времени было написано следующее:

«Зачем, о, кривоногий и неразумный Кратес № 2, зачем занимаешь ты место человека, который двадцать лет тому назад жил в одной хижине с женщиной, тебя родившей? Встань и освободи место и не говори «уйди» или «подойди», словно ты настоящий, старый Кратес! Где ограды из дубов, которые ты сломал одним пальцем? Месяц не двигается с места, хотя бы ты сгорал от желания, чтобы разверзлась вселенная! Ты не можешь убить и блохи, и твоё чихание не причиняет пожара. Сойди и предоставь место другому, который умеет проделывать все эти полезные вещи!»

Так говорила оппозиция.

Кратес, по всей вероятности, был бы принужден покинуть стул, названный им тронем, если бы старая нянька не обратилась со следующими словами к народу:

— «Внимайте мне, о, народ, ибо я нянчила маленького Кратеса когда он был еще гораздо меньше, чем теперь! Когда он родился, его отец помазал себе голову маслом, и одна капля масла упала также на голову моего питомца. Поэтому нет нужды в том, чтобы он ломал стены, шатал месяц, причинял кашлем пожары. Говорю вам»...

Но красноречивой няньке не пришлось кончать. Вывод было сделать так легко, что весь народ (и редакция оппозиционной газеты всех громче) воскликнул в один голос:

«Да здравствует помазанник!»

Кратес остался в кресле, которое он назвал тронем.

На нем сидит он и по сей день.

Восьмая легенда о власти.

Тюгатер доила коров отца и доила их хорошо, ибо молоко, приносимое ею домой, давало больше масла, чем то молоко, которое приносили домой ее братья. Я открою тебе причину, слушай внимательно, Фэнси, чтобы ты знала, если тебе когда-нибудь придется доить коров. Рассказываю это, однако, не для того, чтобы побудить тебя доить коров, как Тюгатер, а чтобы указать тебе на пример ее братьев, доивших хуже, чем сестра, а поступивших вследствие этого, лучше или, по крайней мере, умнее!

Задолго до прибытия на пастбище доильщик коровы толпятся у решетки, с нетерпением ожидая минуты, когда их освободят от излишка молока, который они накапливают, в сущности, для телят. Люди же с'едают телят, считая это своим правом, и тогда у коров образуется излишек молока в вымени.

Что же случается, когда коровы тупо ожидают у решетки? В это время наиболее легкие части молока: сливки, жир, масло, поднимаются кверху, удаляясь от сосцов. Тот, кто выдает терпеливо, до конца, приносит домой жирное молоко; тот же, кто торопится, оставляет сливки.

Тюгатер никогда не спешила, а ее братья торопились вечно.

Каждый из них претендовал на нечто большее и лучшее, чем доение отцовских коров. Она же никогда об этом не думала.

— Отец выучил меня стрелять из лука, — говорил один из братьев. — Я могу жить схой и хочу странствовать по свету и поработать на себя.

— Меня он выучил ловить рыбу, — говорил другой. — Я был бы глуп, если бы доил вечно чужих коров.

— Мне он показал, как делаются лодки, — восклицал третий. — Я срублю дерево, сяду в него и поплыву. Мне хочется узнать, что лежит по ту сторону озера!

— Мне хочется жить с белокурой Гюной, — заявлял четвертый, — и иметь собственный дом и служанок, которые доили бы моих коров.

Таким образом, у каждого брата было свое желание, свое стремление, была своя воля. Планы эти так увлекали их, что у них не оставалось времени выдаивать сливки, которые коровы меланхолически *) должны были хранить без пользы себе и людям.

Что касается Тюгатер, то она выдаивала все, до последней капли.

— Отец, — воскликнули однажды братья, — мы уходим от тебя!

— А кто же будет доить коров? — спросил отец.

— Но... Тюгатер!

— А что, если и у нее явится желание по-странствовать по свету, половить рыбу, поохотиться? Если ей придет в голову поселиться вместе с каким-нибудь белокурым или темноволосым человеком и иметь собственный дом со всем, что с этим связано? Без вас я могу обойтись, а без нее нет... потому что молоко, принимаемое ею, — самое жирное.

После некоторого раздумья, сыновья ответили:

— Отец, не учи ее ничему! Тогда она всю

*) С грустью.

жизнь будет доить твоих коров. Не показывай ей, как натянутая тетива, будучи спущена, выбрасывает стрелу: и у нее не явится желания охотиться. Пусть она не знает, что рыба проглатывает острый крючок, когда он искусно скрыт в приманке, — и ей не захочется закидывать удочки или сети. Не учи ее, как выдалбливают дерево, чтобы переплыть в нем на другой берег озера, и она не будет стремиться на противоположную сторону. Пусть она никогда не узнает, что совместно с белокурый или темноволосым человеком можно иметь свой дом и все, что к нему относится! Не рассказывай ей никогда об этом, отец, и она останется навсегда с тобою, и молоко твоих коров будет жирно по-прежнему. А сыновей твоих отпусти, отец, каждого в ту сторону, куда его тянет!

Так говорили сыновья. Но отец, человек очень осторожный, сказал:

— Эх, разве можно помешать ей узнать то, чему я не буду ее учить? Что будет, когда она увидит голубую стрекозу, плывущую по воде на древесной веточке? Когда натянутая нитка на ее станке, внезапно оборвавшись, отбросит с силою челнок? Когда на берегу ручья она сама увидит рыбу, которая с неловкостью прожоры, желая схватить юркого червячка, поймается на колючий узел прибрежного тростника? Когда, наконец, весною она найдет гнездышко, свитое жаворонками в душистом клевере?

Снова задумались сыновья и затем сказали:

— Все это ничего ей не раскроет, отец. Она слишком глупа, чтобы от знания перейти к желанию. И мы ничего не знали бы, если бы ты не просветил нас.

— Нет, Тюгатер не глупа, — возразил

отец. — Я боюсь, как бы она сама не узнала того, что вы узнали только с моей помощью. Нет, Тюгатер вовсе не глупа!

После раздумья, на этот раз более продолжительного, сыновья сказали:

— Отец, внуши ей, что для девушки знать, понимать и желать — грех!

На этот раз осторожный отец остался доволен. Он отпустил сыновей, кого на рыбную ловлю, кого на охоту, кого на поиски приключений, кого жениться...

Но дочери он запретил знать, понимать и желать. И она в наивности и простоте своей продолжала доить его коров.

Так все это осталось и по сей день.

Девятая легенда о власти.

Гассан торговал финиками на улицах Дамаска *). Говоря, что он торговал, я, собственно, не хочу сказать, что он их продавал, ибо его финики были так мелки, что никто не хотел их покупать.

С досадой и завистью глядел он, как покупатели поддерживали богатого Ауледа, жившего на цыновке неподалеку от него. Все, имевшие высокие хоромы, жили в Дамаске на цыновках, так как не имели над собою крыши. Богатство Ауледа заключалось также не в домах, а в саде, который был так плодороден, что росшие в нем финики были втрое крупнее обыкновенных. Поэтому всякий, кто проходил мимо, покупал финики у Ауледа, а не у Гассана.

*) Дривия столица Сирии (в Азии). Служится столицей и Иерусалим.

В это время в город пришел дервиш *), обладавший большою мудростью, но не имевший пищи. По крайней мере, ему приходилось свои познания обменивать на кушанья, и мы увидим, какую пользу извлек из этой мены Гассан.

— Дай мне поесть,—повелел ему дервиш,— тогда я сделаю для тебя то, чего не в состоянии сделать ни один калиф **). Я устрою так, что народ будет покупать у тебя финики, ибо я сделаю их более крупными, чем финики Ауледа. Как велики они у Ауледа?

— Увы, о, дервиш, посланный мне Аллахом, — целую твои ноги, финики Ауледа — да пошлет ему Аллах ***), судороги! — втрое крупнее обыкновенных фиников. Вступи на мою циновку, сядь, скрестив ноги, будь благословен и научи: что мне сделать, чтобы мои финики были крупнее и чтобы народ покупал их у меня.

Гассан мог бы спросить, почему дервиш, одаренный такою силой, нуждается в пище. Но насмешничать Гассан не любил. Он поставил перед гостем вареную кожу — все, что у него оставалось от украденного козленка.

Дервиш поел и, насытившись, сказал:

— Финики твоего соседа втрое крупнее обычных... какой же величины ты хочешь, чтобы были твои финики, о, Гассан, сын неведомого мне отца?

Гассан подумал с минуту и сказал:

— Да пошлет тебе Аллах детей и скота! Я хотел бы, чтобы мои финики были втрое крупней тех, в какие ты мог бы их превратить.

*) Мусульманский монах.

**) Магометанские государи и древности.

***) Господи.

— Хорошо, — сказал дервиш. — Взгляни на эту птицу, привезенную мною с далекого Востока. Скажи ей, что каждый из твоих фиников равняется трем твоим финикам.

— Да наградит тебя Аллах женами и верблюдами, о, дервиш, — но разве поможет, если я скажу птице то, чего нет?

— Делай, как тебе говорят, — ответил мудрец. — На то я и дервиш, чтобы ты меня не понимал.

Гассан пожелал птице, чтобы у нее выросли длиннейшие перья и назвал ее птицею-Рок. Но то не была гигантская птица-Рок восточной мифологии *). То была маленькая птичка, похожая на ворону, с болтливым языком и подпрыгивающей походкой. Дервиш вывез ее с о. Суматры, куда она была завезена купцами, приехавшими морем из страны, где люди похожи на негров, хотя это и далеко от Африки. Гассан назвал ее птицей-Рок, так как знал, что всякий, от кого чего-нибудь ждут, делается важным. И наоборот. Когда кому что-либо нужно от другого, то он с'еживается и унижает себя. Таков был обычай в Дамаске.

— Я — твой раб, о, птица Рок! Отец мой был собакой... а каждый из моих фиников по величине равняется трем моим финикам!

— Хорошо, сказал дервиш. Продолжай так и чтить Аллаха!

Гассан так и сделал. Он боялся Аллаха и твердил птице постоянно о том, что его финики непомерно крупны.

Побродетель вскоре была награждена. Не ус-

*) Мифологии — собрание мифов, т. е. древних преданий, рассказов и легенд о божествах и героях.

пел еще калиф в третий раз повелеть лишит жизни всех обитательниц своего гарема *). не успела еще ни одна мать снарядить, как следует, свою дочь на рынок в Константинополь.. не успел еще Гассан поймать ни одного заблудшего козленка, как вдруг птица сказала:

— Мой отец—собака...

Этого не нужно было говорить, но она повторила слова Гассана...

Отец мой собака.. да вырастут у тебя длиннейшие перья..: финики Гассана-сына...

Не знаю, как звали отца Гассана, да дело не в этом...

Финики Гассана втрое крупнее самих себя!

Были в Дамаске люди, возражавшие против этого. Но это продолжалось недолго. В голос птицы было нечто, колебавшее воздух и влиявшее на преломление лучей. Финики росли, росли... в глазах публики!

А птица продолжала твердить:

— Финики Гассана втрое крупнее своей обычной величины!

И финики все росли! Люди чуть не давили друг друга, чтобы добиться случая поест эти фиников.

Аулед впал в бедность. Гассан накопил много козлов и козлят и построил крышу над своей цыновкой. Он стал очень честен и считал позором, когда кто-нибудь, не имея собственных козлят, крал у него козленка. Он продолжал по-прежнему бояться и чтить Аллаха.

Своим благочестием и богатством он обязан был маленькой птичке, твердившей беспрестанно

*) Особое помещение в мусульманских домах, где живут исключительно жены хозяина. У султанов, кидифов, шахов богатей в гаремах обитают сотни женщин.

но одно и то же и превращавшей, благодаря частому повторению, — ложь в правду. Все находили финики Гассана крупными, все спешили их покупать, все...

За исключением самого Гассана, который втихомолку запасался ими у Ауледа, у которого он был теперь единственным покупателем.

Так все это осталось и по сей день.

Десятая легенда о власти.

На берегу моря, между Восточной Фризландией и рекою Шельдой, лежит разбойничье государство

(„Любовные Письма“ 1861 г.).

*) Автор имеет в виду Нидерланды — свое отечество.

СКАЗКИ И ПРИТЧИ.

О доброй воле.

I

Я звал одну модистку, у которой был «законный» ребенок. Упоминаю о «законности» дитяти для охранения чести модистки, ибо она была замужем. Сейчас скажу вам, как звали отца этого ребенка.

Добрая женщина очень любила малютку и прилагала все старания, чтобы одеть его со вкусом. Повсюду прикалывала бантики и простенькие платочки меняла на цветные, яркие. Единственной утешой матери было заботиться о нарядах ребенка.

Иногда случалось слышать такие замечания: этот цвет слишком красен, или слишком желт, или слишком бледен... кант чересчур широк, креп слишком густ, а газ редок... Находились люди, которые указывали на недостаток вкуса или умения, но никому никогда не приходило в голову обвинять заботливую мать в недостатке любви к своему ребенку.

Мать звали «Параболой» *) или «Притчей». «Поэтом» звали отца.

Имя ребенка, которого так любила наряжать мать, было — «Истина».

*) Слово «Парабола» имеет два значения в одном слове: это математическое понятие (из геометрии); в другом — в данном случае — Парабола то же, что притча.

II.

Однажды мать показала кому-то ребенка, и в глазах ее читался вопрос:

— Как тебе нравится мое дитя, мое сокровище, мой свет? Взгляни на эти краски!

— Да, желтый цвет недурен.

— Желтый... ты находишь его лигико желтым? Да ведь оно — розовое!

— Я говорю о платьице.

В другой раз она опять показывала свое дитя и спрашивала взглядом:

— Как тебе нравится мое дитя, мое сокровище, мой мир? Неправда ли, оно прекрасно? Взгляни, какой румянец, какая кожа белая и гладкая, словно мрамор!

— Черезчур крепко!

— Как, ты находишь черезчур много силы в этих ручках?

— Я говорю о платьице, оно слишком крепко накрахмалено.

Опять показывала кому-то заботливая мать своего ребенка, вопрошая взглядом:

— Как находишь ты мое дитя, мое сокровище, мой мир? Взгляни на его формы... какая округлость... какая чистота линий...

— Черезчур короток стан.

— Ты находишь, что у моего ребенка стан слишком короток?

— Я говорю о платьице.

Досадно стало матери. Ее огорчало, что никто не любовался малюткой. Она продолжала рядить своего любимца, но ей было больно, что за нарядами не замечали ребенка.

III.

Страдание делает человека несправедливым. Парабола рассердилась на невинного Поэта. Она отлучила его от стола и ложа и приняла вновь свое девичье имя: Ameleia *).

Тогда она сорвала с ребенка обманчивое платьице, отвлекавшее от него внимание, и показала малютку людям, спрашивая глазами:

— Как вам нравится мое дитя, мое сокровище, мой мир?

Кто-то из толпы крикнул:

— Оно непристойно.

Остальные молчали. Они не поняли вопроса матери и опять не заметили ребенка.

Это огорчило мать. Она примирилась с Поэтом, который был рад этому, и стала называться по-прежнему Параболой. Дитя свое она снова стала рядить.

— Ах, — говорила она, — пусть смотрят хоть на платьица, шнурочки и ленточки! Может быть, наконец, обратят внимание и на ребенка и заметят, что он прекраснее своих нарядов.

Импрессарио **).

Прекрасно одетый господин, с золотой цепочкой и самодовольным видом, прогуливался вдоль одного из каналов Амстердама. В город он приехал «по делам», и вы сейчас увидите, что это были за «дела».

Впереди него шла дама с ребенком. Уж не знаю, вследствие какой случайности ребенок упал в воду. Мать испустила крик, прыгнула вслед за ребенком и спасла его.

*) Что означает: беззаботность, равнодушие.

**) Театральный предприниматель.

Деловитый человек, присутствовавший при этом, вынул свою записную книжечку и пригласился что-то записывать.

— Милостивая государыня, осмелюсь спросить у вас вашу фамилию и адрес?

— Дитя мое, дитя, оно опять со мною!

— Так точно, но осмелюсь...

— Мое дитя спасено, — упорно повторяла мать, которая не могла понять, как можно ей теперь задавать вопросы, не касавшиеся ее ребенка.

— С ней ничего не поделаешь, — проворчал любопытный вопрошатель. — Эй, послушай, милый человек, ты получишь приличное вознаграждение, если добудешь мне завтра имя и адрес этой дамы.

С такими словами обратился наш незнакомец к одному из прохожих, и на этот раз узнал то, что так возбудило его любопытство. Как бы то ни было, на следующий день он явился в дом счастливой матери и велел доложить о себе.

— Сударыня, я имел честь присутствовать...

— О, так вы были при этом? Вы видели все? Я ничего не видела, не слышала, я просто прыгнула...

— Простите меня, сударыня, я слышал...

— Слышали?

— Да, сударыня, я слышал, как вы...

— Слышали? Но что же?

— Я слышал, как вы закричали, сударыня... и пришел с тем, чтобы предложить вам ангажемент *) в театр.

Бедная мать!

*) Приглашение артистов на службу в театр.

Человек этот был импрессарио, искавший артистов на выходные роли. Звали его: П у б л и к а.

Сократ *).

Сократ был высокомерный глупец, и афиняне поступили вполне правильно, осудив его на смерть. Я нахожу только его наказание слишком легким. Умереть! Да ведь это удел каждого человека на земле, даже совсем неповинного ни в чем хорошем! Я считаю несправедливым человека, посвятившего себя общему благу, приговаривать к наказанию, которому, в конце концов, подлежит всякое ничтожество, когда-либо порожденное нацией. Нет, афиняне были чересчур торопливы—совсем как евреи.

Ведь дело идет о Сократе! Послушайте, что говорит о нем Плутарх **):

«В Афинах существовал обычай, согласно которому обвиняемые защищались перед судом искусными речами и старались подействовать на своих судей слезами и неотступными мольбами. Употребление таких средств Сократ считал ниже своего достоинства»...

Но я вам уже сказал, что Сократ был глуп.

«В своей защите он указал просто на всю свою жизнь»...

Опять очень глупо. Человек этот воображал,

*) Сократ—один из величайших философов мира. Жил в Афинах (Греция) в V в. до Р. X. Он открыто и мужественно обличал своих современников, и враги добились суда над Сократом. Приговоренный к смерти, он отказался от побега, который ему предложили друзья, и сам принял чашу с ядом (пиккута).

**) Плутарх—писатель-философ и историк Греции I века до Р. X.

что станут выслушивать рассказ о том, что он сделал. Дело не в этом, о, Сократ! Следовало сказать: я либерал... или консерватор—смотря по тому, в какую сторону дул тогда ветер; следовало рассказать что-либо о своей вере, старозаветной или новой, опять смотря по тому, что было в моде; следовало, наконец, упомянуть о принципах и теориях, опять-таки сообразуясь с требованием дня; не упомянув обо всем этом, ты сделал крупную ошибку! И вполне прав был Плутарх, когда назвал твою защиту простой, ибо она была действительно проста до наивности.

Итак, он сослался на свою жизнь. Но...

«Эта защита не тронула судей, и они приговорили его к смерти».

И только? Проклятая слабость безмозглых язычников—афинян, которые не имели ни малейшего представления о христианских пытках!

«Согласно принятому в Афинах обычаю, осужденный сам должен был заявить, какое наказание, по его мнению, он заслужил. Когда предложили этот вопрос Сократу, он ответил, что считает себя достойным, подобно победителю на Олимпийских играх *), получить полное содержание от государства».

Ну не прав ли я был, говоря, что этот Сократ был глуповат? Ни малейшего следа христианского смирения! Теперь... разумеется:

*) Олимпийскими играми назывались национальные праздники в древней Греции, устраивавшиеся через каждые 5 лет. Промежутки между играми назывались олимпиадами и по ним велось летосчисление. Игры устраивались в честь главного бога—Зевса. Игры длились по 5 дней, в течение которых происходили всевозможные гимнастические состязания.

«Ф...
про...
Н...
когда
денн...
тенз...
прав...
этим...
«...
тив...
Он...
В...
Сухо...
долж...
что...
ватор...
хвал...
парт...

С...
убив...
С...
обра...
С...
куски...
С...
ный...
Л...
Берх...
ней...
я доб...
—
вешен...

«Своим ответом он еще больше возстановил против себя судей»...

Ну, понятно. Никому не может понравиться, когда человек, безо всяких церемоний осужденный на смерть, осмеливается заявлять претензию на награду. И судьи поступили вполне правильно, когда сочли себя уязвленными этим ответом, и поэтому:

«Многие из них, кто до сих пор были против смертной казни, теперь голосовали за нее. Он был приговорен к смерти».

Вот все, что читаем об этом у Плутарха. Сухой историк ни одним словом не воздаст должной хвалы разгневанному судьям. Я думаю, что Плутарх был либерал, а судьи — консерваторы, или наоборот. В Греции никогда не хвалили человека, принадлежавшего к другой партии.

Правосудие.

Служитель: Господин судья, человек, убивший Бербхен, приведен.

Судья: Он должен быть повешен. Каким образом совершил он убийство?

Служитель: Он разрезал ее на мелкие куски и посолил.

Судья: Поступок совершенно извращенный. Убийца должен быть повешен.

Лотарио: Господин судья, я не убивал Бербхен! Я ее кормил, одевал и заботился о ней. Тут есть свидетели, которые покажут, что я добрый человек, а не убийца.

— Судья: Убийца, ты должен быть повешен! Самоуверенным ты только отягощаешь

свой проступок. Человек, обвиненный в таком преступлении, не смеет считать себя добрым.

Лотарио: Но, г. судья, тут есть свидетели, которые могут подтвердить мое показание. И так как теперь меня обвиняют в убийстве..

Судья: Тебя повесят! Ты разрезал на куски Бербхен, посолил ее и еще доволен сам собою... три тяжких преступления налицо!— Кто вы такая, женщина?

Женщина Я — Бербхен.

Лотарио: Слава Богу! Г. судья, теперь вы видите, что я не убивал ее!

Судья: Гм.. да... пусть так! Но вы ее посолили?

Бербхен: Нет, г. судья, он и не думал меня солить. Напротив, он мне много добра сделал. Он — благородный человек.

Лотарио: Слышите, г. судья, она говорит, что я — добрый человек.

— Судья: Гм.. но третий пункт остается в силе. Служитель, уведи человека, он должен быть повешен. Он виновен в самомнении..

Мостик.

Была зима. По широкому каналу весело скользили конькобежцы. Лед лежал на одном уровне с дорогой, так что перейти на каток было очень легко.

Однако, небольшой мостик был перекинут через широкую, непокрытую льдом рытвину, которой накануне еще не было. Каждый проходивший через мостик уплачивал копейку человеку, приладившему его «из-за рытвины», как он выражался. Некоторые насмешливо шептались:

— Вернее, он рытвину сделал для мостика!

Общество изобилует подобными рытвинами, и в большинстве случаев их цель — содержать таких «мостостроителей». Что стали бы делать у нас школьные учителя, если бы мы писали так же быстро и гладко, как говорит образованный человек?

Что случилось бы с солдатами, если бы мы захотели понять, что самый маленький народ сильнее величайшей армии?

Что стали бы делать адвокаты, если бы у нас были законодатели, которые могли бы ясно выражать свои мысли?

На что нужны были бы священники, если бы мы поняли, что каждый может обрести свою религию в собственном сердце?

Наконец, к чему были бы нам нравоучители, если бы мы умели отыскивать образцы морали в природе?

Ах, сколько таких мостостроителей занимают копчением неба!

Что такое «Бог»?

Я весело бродил по городу с маленьким Максом. Впереди нас шел господин с ребенком. Последний, как и все дети, задавал вопросы без конца... я уверен, что первый великий инквизитор*) был ребенок! Макс и я прислушивались.

*) От слова „Инквизиция“ — средневековое учреждение католической церкви, предназначавшееся для розыска и искоренения неверующих, еретиков, инакомыслящих. Допрос и следствие велись при помощи чудовищных пыток, и процессы обычно заканчивались сожжением обвиняемых на костре. Существовала инквизиция, т. о., в Испании в течение XV—XVIII столетий. Наибольшую известность получил знаменитый Торквемада, „великий инквизитор“, сжегший за 15 лет своей работы около 9 тысяч человек.

— Папа, — спрашивал мальчик, — что такое честь?

Отец точно объяснил, что такое честь.

— Папа, а что такое церковь?

И папа объяснил, что такое церковь.

— Папа, а скажи-ка, что такое человечество, религия? Что такое вечность, блаженство?

Папа не замедлил дать определения всем этим понятиям.

— Папа, а что такое Бог?

Тут внезапно произошло столкновение телеги со странствующими музыкантами, и определение «Бога» погибло в суматохе. Макс и я поспешили удалиться в безопасное место; таким образом, в 1001-й раз я лишился возможности узнать, что такое Бог. Это раздосадовало меня и моего парнишку, который уже давно жалуется, что я часто отвечаю ему на этот вопрос: не знаю! Мальчишка мой дошел до того, что жаловался как-то матери: «Что мне делать с таким отцом?»

Евангелие от Матфея, глава XIX.

Ниже я предлагаю вам вариант*) для сравнения его с первым. Любопытно посмотреть, хватит ли у христиан мужества предпочесть ему текст от Матфея.

10. И говорят ему ученики его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться.

11. Он же сказал им: в браке человек находит свое счастье, ибо через брак пополняется душа его и становится он человеком.

*) Вариант — изменение, другое изложение того же произведения.

12. И женщина в браке находит свое счастье, ибо в нем душа ее совершенствуется и становится она человеком.

13. Ибо не опочил Господь по сотворении человека. Не сотворил он и одну жену, без мужа. Но создал их вместе — жену и мужа, чтобы человек был совершен.

14. Так, если кто имеет правую руку, но левой не имеет, не может быть совершен. И если кто имеет левую руку, а правой не имеет — не может быть совершен. Так и человеку дана правая рука и левая, чтобы он был совершен.

15. И не должна правая рука говорить: что надобно тебе, левая, ведь, рука-то я. Также и левая не должна говорить правой: чего хочешь ты, правая, ведь, рука-то я. Ибо только вместе они совершенны. Так же точно жена и муж.

16. Правая рука застегивает необходимый для вас пояс, а левая несет сосуд с водой, который вам тоже нужен. Кто потеряет пояс с зашитыми в нем деньгами, тому не на что будет жить. А кто не имеет с собой сосуда с водою — истомится в жажде. То же самое с мужем и женой.

17. Вы слышали, что сказано: вы — единя плоть... Но не так ли поступают и блудницы? В чем же ваш брак?

18. Вы слышали, что сказано: плоть от плоти моей, кость от кости моей... Разве звери в полях не поступают так же? В чем же ваш брак?

19. Так же верно, как то, что Бог ваш есть Бог истины, говорю я вам, муж и жена, соединяйтесь в правде, и пусть не будет яжи при этом.

20. Так же верно, как то, что Бог ваш есть

Дух, говорю вам, муж и жена, соединяйтесь в духе, чтобы звереныши в поле не могли сказать вашему потомству: мы вам подобны.

21. Так же верно, как то, что Бог ваш есть Бог любви, говорю вам, муж и жена, соединяйтесь в любви; и брак ваш даст вам детей, в любви зачатых.

22. И ты, муж, не тянись устами твоими к мудрости раввина во храме, словно ты вкушаешь сладкое вино; и не говори дома с женой так, как будто имеешь поlying на устах.

23. Ибо кто мудрость во храме проповедует, а жене злые речи говорит, тот есть вор.

24. И кто призывал тебя во храм? Ты пришел туда незванный. А жене своей ты поклялся в любви. Поэтому она поверила тебе и открыла тебе свои объятия.

25. И ты, жена, не бесчести мужа, обращаясь к нему со словом: Господин! Ибо этим ты унижаешь себя и его, который есть «един» с тобой. Убирай, что можешь, с его пути, чтобы он не споткнулся.

26. И говорю тебе это не потому, что ты раба, а для того, чтобы ты сама в том месте не упала, где он споткнется. Ибо оба вы едины есте.

27. Жена ответственна перед мужем, и муж также перед женой, ибо они едины суть.

28. Тот, кто дает жене своей кукурузу, чтобы она сделала из нее хлеб, ест и сам его. И жена ничем не обязана ему за это. Не поступает ли так же точно и брат? В чем же ваш брак?

29. И жена, испекши хлеб, ест его вместе с мужем. И муж не обязан ей благодарностью

за это. Разве не поступает так же и сестра? В чем же тогда ваш брак?

30. И если кто-либо из вас приметит звездочку, должен сказать возлюбленной: взгляни на звездочку и радуйся! И жена, у которой случилась радость, должна делиться ею с мужем. Это их общее достояние, и делясь, она ничего не теряет. И когда муж почувствует скорбь, то делится ею с женой, чтобы она не задавалась вопросом, разве она недостойна его скорби?

31. И когда она скорбит, пусть и он разделит ее скорбь, чтобы она не боялась быть ниже его огорчений и принимала участие в каждой его радости.

32. И если муж узнает, что саддукеи поведали в воскресенье мертвых, пусть поделится он этой новостью со своей женой, чтобы она не заснула над прялкой.

33. И если у нее на прялке рвется нитка, пусть и это расскажет она мужу, чтобы он не зазнавался перед нею своею ученостью.

34. Разве Юдифь не освободила народа Израильского своим отважным мужеством? Не мало было мужей в Иерусалиме, оставшихся дома в то время, как она покинула дом свой для палатки сильного.

35. Разве не управляла Дебора народом Израиля, и были ли неурядицы во время ее правления?

36. И если мужу посчастливится увидеть праведного фарисея, пусть скорей расскажет это жене, дабы и она могла этому порадоваться.

37. И когда книжники запутают его своими каверзными вопросами, следует выслушать и мнение жены. Может случиться, что за прялкой

она обдумала ответ еще раньше, нежели услышала вопрос.

38. Ученики же сказали: как же это может быть, учитель? Ведь женщине запрещено изучение писания; как будет она распутывать каверзные вопросы?

39. И отвечал он: из писания учатся задавать каверзные вопросы, но многие ответы созревают в мыслях за прялкой.

40. Но ученики не удовлетворились ответом и спросили снова: «Учитель, была одна жена, муж которой учил во храме. Однажды пришел он домой и сказал: «сегодня говорили о царстве Мельхиседека», а жена спросила: «кто такой это Мельхиседек?» В другой раз он сказал: «мы остановились на Египте», на что она возразила: «я никогда не была в Египте». И еще он сказал: «вопрос шел о том, кто выше — Илия или Моисей!» и она воскликнула: «я не знаю Илии». Опять он сказал однажды: «в храме собралось много искателей нового; они делают человека на тело и душу». Она же отвечала: «эти вещи мне недоступны. Я не хочу быть разделенной — мне нужно пряхть».

Видишь, Равви, за пряхей она не имела слушая познакомиться не только с Мельхиседеком, но с собственной душой. Как же это так, учитель?

41. Он же отошел оттуда и увидел поле, почва которого была хороша, но ни один колос не колыхался над ней, хотя было как раз время жатвы.

42. Он взял посох и постучал в дверь дома того человека, которому принадлежало поле; и тот воскликнул: зачем стучишь в мою дверь?

3. Он же сказал: Выходи и жни! Разве не

налились колосья и не требуют серпа? Почему не жнешь ты своего поля?

44. Ученики отвечали: Учитель, он ничего не посеял!

45. Он же, отвечая, сказал им: Истинно, истинно говорю вам, кто не сеет во время посева, тот ничего не пожнет во время жатвы. Бесплодные поля редки, но число ленивых мужей велико.

46. И в другой раз ударил он в дверь человека, который ничего не посеял. Но ученики его не поняли.

Старуха, собиравшая хворост.

Я сидел с подругой на скамье у ворот Гаарлема *). Поодаль бродила старушка. Она часто нагибалась, что-то поднимала и клала в передник. Она собирала хворост...

— Какая бедность, — подумал я. Я рассчитал, что она скоро подойдет к скамье, на которой я сидел, и бросил на землю монету, чтобы она ее подобрала.

И я радовался, что она с каждым шагом подходит ближе к подарку, который я хотел ей сделать под видом случайности.

Но женщины, собирающие хворост, — не то, что кометы. Эта комета описала не тот путь, на какой я рассчитывал, и я боялся...

— Бабушка!

— Что такое?

— Вы ищите так усердно... мне кажется, что-то лежит, вот здесь!

*) Гора в Голландии.

Она не подошла и продолжала свое дело. Это было вполне естественно: она искала дров и хворосту под деревьями, а то, что я ей показывал, лежало на дорожке. Хворосту там не было, это она хорошо знала. Вероятно, она подумала, что я шучу.

— Право же, бабушка... Подойдите-ка сюда. Мне, в самом деле, кажется, что тут что-то лежит... словно деньги...

— Ну, нет! если бы вам это показалося, вы сами давно бы их под-
няли.

Я поднял монету и отдал старухе, и был очень огорчен тем, что она за свою долгую жизнь видела так мало хороших людей.

Знать не значит делать.

Некий старец, пришедший посмотреть на Олимпийские игры, не мог найти места, где сесть. Пока он искал и проходил вдоль рядов, над ним издевались и высмеивали его смущение. Когда он подошел, наконец, к тому месту, где сидели лакедемоняне *), то все юноши и многие мужчины встали и наперерыв предлагали ему свои места. Греки пришли в восторг плесканий дали понять, насколько они им очарованы.

от такого вежливого поступка и громом руко-
Старец сказал с горечью: «О, боги, все греки прекрасно знают, что прилично, но поступают прилично одни лакедемоняне».

*) Одно из племен древней Греции.

Платон и Терсит *).

Платон однажды сильно простудился и кашлем обнаруживал признаки болезни. Терсит подражал его кашлю и спросил:

— Разве я не похож на Платона?

Не в этом заключалось худшее, потому что спрашивать можно о чем угодно.

Хуже всего было то, что тысячи людей отвечали Терситу:

— Как две капли воды! Да здравствует новый философ Терсит!

Этот человек создал школу.

Пигмей **).

Я хочу вам рассказать, как явилось в мир смирение.

Пигмей был мал ростом и дорожил возможностью глядеть поверх голов, что ему удавалось редко, так как он был мал.

Он отправился путешествовать и искал людей, которые были бы еще меньше его, но не нашел. А его страсть глядеть поверх голов становилась все сильнее и пламеннее.

Он пришел в Патагонию ***), где люди так велики ростом, что ребенок тотчас по рождении смотрит отцу через голову.

Это свойство Пигмею не понравилось... в

*) Платон—знаменитый греческий философ, живший за 4 века до Рожд. Христова, создатель особого философского учения, учения Сократа, творец замечательных трудов: „Государство“, „Пир“, „Федра“. Терсит — грек, прославленный в древнем писании, как жалкое и трусливое ничтожество.

**) Пигмей—легендарный (мифический) народ карликов, людей „величиною с кулак“.

***) Находится в Южн. Америке.

других. Но, отчаявшись найти людей, которые были бы меньше его, он придумал хорошее средство. Он изобрел добродетель, которую предписал в качестве «первого правила»: кто больше Пигмея, должен нагнуться ниже его зрительного уровня, — и нововведение было принято. Все патагонцы сделались добродетельными. Если кто-нибудь грешил против «первого правила» Пигмеевой добродетели, держась прямо, то его наказывали своеобразным способом. Все, кто были согнуты и добродетельны, вскакивали упряму на шею и тянули его книзу, пока голова не достигла мерки патагонской добродетели. А если кто-нибудь нес на своих плечах всю Патагонию и все-таки не становился добродетельным, то его ставили к позорному столбу с доской, где было написано одно патагонское слово, которое означало: этот человек стал Пигмеем поперек дороги.

Это слово у нас переводится словом: гордыня.

Сила и хитрость.

Один рыцарь сражался с неприятелем, превосходившим его силами. Рыцарь держался храбро, получал рану за раной, но скрывал боль и свою слабость. Он делал вид, словно не был вовсе ранен и не чувствовал никакой боли. Больше этого нельзя было требовать от рыцаря.

Враг придумал средство. Как привели его в исполнение, я не знаю, но вышло так, что мед прилип к доспехам воина, который боролся один против многих.

На помощь врагу явились мухи. Враг предался низкой радости и скадал:

— Чего не могла сделать наша сталь, то делают мухи. Он падет, а дома мы не будем рассказывать о мухах, а скажем, что он пал от наших ударов.

Безнравственность.

В Самоедии — не знаю, так ли называется страна, но этот пробел в языке мы должны заполнить, — в Самоедии существует обычай натираться с головы до ног прогорклым жиром.

Один молодой самоед не хотел этого делать. Он не натирался ни жиром, ни чем либо другим.

— Ты не следуешь нашим обычаям, — сказал ему самоедский философ.. — ты не знаешь приличий... ты неприличен.

Само собою разумеется, что с молодым самоедом стали обращаться дурно. Он ловил тюленей больше, чем кто-либо другой, но это ему не помогало. У него отнимали тюленей, отдавали их тем самоедам, которые натирались жиром, а его заставляли терпеть голод.

Однако, далее вышло еще хуже.

Прожив еще некоторое время, молодой самоед вздумал умыться одеколоном. Этого благоухания в Самоедии не могли вынести.

— Он поступает против нравов, — сказал модный философ, — он безнравственен! Давайте, будем и впредь отнимать у него тюленей, которых он ловил, да сверх того накажем его палками.

Сказано — сделано.

Но так как в Самоедии не было ни злых пересудов, ни печати, ни обвинений в неблаго-

надежности, ни лже-либерализма, ни продажной политики, ни продажных министров... то преступника побили обглоданными костями тюленей, которых он сам наловил.

Урок Морали.

Со старым г. Шёпсом случился философский припадок, и он сказал следующее:

— Сын мой, следи за твоими речами строже, чем за поступками, и тебе будет хорошо в той лавке, которую я тебе дам рядом с комнатой, где ты родился.

Не важно, сын мой, хороши ли сливы, которые ты продаешь; говори и повторяй, как хороши эти сливы!

Думай о священнике, что тебе угодно, сын мой. В случае надобности откажи ему в кредите, когда он снова придет за карамелью на книжку. Выгони его, сын мой, если в дни бойкой торговли он будет тебе слишком надоедать, требуя свежего изюма, но замечь, сын мой, никогда не говори: этот священник глуп, или: это, собственно говоря, прошлогодний изюм.

Тузи и колоти свою жену, сын мой, если ты уверен, что сильнее, чем она. Но, сын мой, никогда не говори: я желал бы ей смерти, или: у нее веснушки.

Выцарапай другому глаз, если это нужно, сын мой, но не говори никогда: этот человек косоглазый.

Презирай людей, которые публично ведут себя дурно и сворачивай в другую улицу, сын мой, чтобы избежать с ними встречи, но говори: я сделал крюк, чтобы узнать о здоровьи женщины, которая только что разрешилась от бре

мени. А если таковых женщин в округе нет, то скажи, что ты свернул в эту улицу с целью поискать, нет ли в ней женщин, только что разрешившихся от бремени.

Если ты увидишь, что на дороге лежит пьяный, то скажи, сын мой: этот человек отдыхает.

Если ты заметишь на своем пути нечистоту, то скажи: сегодня было много мяса на рынке, или: пойдет дождь, если ветер утихнет, или: ветер утихнет, если пойдет дождь, или что-либо в этом роде, или же не говори ничего, сын мой, но только ни в коем случае не говори о нечистоте, которую ты видел.

Потому что, сын мой, человек так создан, что он может много нечистого проглотить, но твоих слов о нечистоте он ни в коем случае не проглотит.

Итак, сын мой, называя многие вещи другими именами или не называя их вовсе, ты будешь продавать много изюму — хотя бы он был и несвеж, — и тебе хорошо будет в лавке, как я тебе говорил, когда на меня нашел философский стих.

Орнис.

По смерти своей жены друг мой Орнис купил себе для развлечения птиц.

Если мне позволено будет заключить о степени того горя, которое было причинено ему смертью жены, по тому количеству птиц, которые ее заменили, то я должен буду признать, что Орнис был сильно огорчен. У него были зяблики зрячие и зяблики слепые; канарейки черные, зеленые, желтые и пестрые; семнадцать пород голубей; попугаи, какаду, дрозды, вороны, сороки, куры, павлины, утки, индейки, гуси,

рябчики, казуары, страусы и другие птичьи породы, слишком многочисленные для того, чтобы можно было переименовать их все.

Я не знаю, каким образом он приобрел свою коллекцию, да это и не важно для той истории, которую я хочу рассказать.

В одно прекрасное утро Орнис явился ко мне с известием о том, что он уезжает, и что его отсутствие будет довольно продолжительным.

— Друг мой, — сказал он мне, — я зываю к вашему дружескому расположению. Я уезжаю я не знаю, как мне быть...

— Возьмите на станции билет...

— Не то. Я не знаю, как быть с моими птицами.

— Вы могли бы взять их с собою, — отважился я сказать.

— Это невысказимо вследствие холодов. К тому же Ливи сидит на яйцах.

Ливи была молодая канарейка, умевшая на-свистывать вальс: «в небе луна»...

— В таком случае оставьте ваших птиц дома.

— Сейчас видно, что вы никогда не были женаты, то бишь, что у вас никогда не было птиц. Легко сказать: «оставьте их дома». А кто будет ходить за милыми крошками, когда меня не будет? Кто станет развлекать их разговорами и музыкой, кто будет кормить их и чистить клетки?

— А, вот вы о чем... теперь я понимаю. Ваше обращение к моей дружбе...

— Именно! Я хотел просить вас озаботиться моих птицах во время моего отсутствия.

— У меня много своих дел.

— Отложите их! Мои птицы...

— У меня болен отец.

— Это не помешает. Птицы...

— У меня дети лежат в кори.

— Надо выдержать их в тепле! Мои птицы...

— У меня страшно запущены дела.

— Возьмите отсрочку! Птицы...

— Но, дорогой мой Орнис, я ровно ничего не смыслю в уходе за птицами.

— Как?

— Уверяю вас... у меня их никогда не было. Я на самом деле не имею понятия о том, как за ними ходят.

— Да, это — уважительная причина! Вы хорошо сделали, что сказали мне об этом. Я постараюсь найти кого-нибудь другого, кому я мог бы совершенно спокойно доверить моих дорогих малюток.

И Орнис оставил меня в покое только потому, что я ничего не смыслил в уходе за птицами!

Теперь мне хотелось бы узнать, что заставляет так много людей иметь детей.

Честного Орниса не могла остановить ни болезнь моего отца, ни болезнь детей, ни материальные затруднения, в которых я бился; все было ему нипочем... вплоть до той ужасной минуты, когда я заявил, что не умею ухаживать за птицами.

То была уважительная причина. Вслед за этим он взял назад свою просьбу. Не уметь ходить за птицами! Разве он мог допустить, чтобы с зябликами обращались как с воронами, а с сороками — как с индейками? Он предоставил бы моему невежеству талантливую, интересную Ливи, которая, благодаря ее умению сви-

стать и ее сиденью на яйцах, имела право на удвоенные заботы? Разве он мог допустить, чтобы я оскорбил слух сентиментальных голубей чувственными мелодиями коноплянок? Чтобы вследствие какой-нибудь ошибки в распределении пищи, весьма возможно при моей неопытности, я напичкал нежные желудки корольков подковами и старыми туфлями, составляющими обычную пищу казуаров? Нет, тысячу раз нет! Вы не умеете ходить за птицами? В таком случае вы этого и недостойны.

Так говорил Орнис.

А я спрашиваю опять: для чего столько людей имеют детей?

И сейчас, когда я думаю, что число детей, разбросанных по земному шару, простирается до шестисот миллионов... и что эти дети являются собственностью трехсот или четырехсот миллионов родителей, не умеющих в большинстве случаев ходить за птицами... увы, тогда я бываю вынужден распахнуть окно и вдохнуть немного свежего воздуха, чтобы не предаться мрачному настроению, напоминающему, по всей вероятности, настроение королька, проглотившего пищу казуара!

Ограниченный кругозор.

— Расскажи же нам, не шутя, что такое «специальность!»

— Я не шутил. И не стану этого делать. Эта тема для шутки черезчур печальна. Специалист — это человек, который в течение своей жизни пренебрегал многими вещами для того, чтобы выиграть приз *), на посредственность

*) Награда.

в состязании людей известной профессии. Специалист — это человек, который до слепоты глядит в одну точку и думает, что покупает себе этим право в глазах близоруких людей казаться не тем, чем являются эти люди. Специалист... видел ли ты когда-нибудь, как метут улицы?

— Не так часто, как я того желал бы в интересах чистоты. Но все же видел.

— Не чувствовал ли ты иногда страстного желания вырвать у такого метельщика или метельщицы из рук метлу и показать им, как следует мести?

— Весьма часто!

— Следует ли из этого, что эти люди мели хорошо, если принять в соображение идеал подметания улиц, который ты себе создал?

— Положа руку на сердце, клянусь спасением моей души, честью и совестью, перед Богом и людьми... нет!

— Хорошо. Установив это, я спрошу тебя, думаешь ли ты, что такой подметальщик улиц в состоянии дать тебе юридический совет, вылечить твоих детей от коклюша, погасить государственные долги, изобрести книгопечатание, открыть Америку и т. д.?

— Положа руку на сердце, клянусь спасением моей души... нет!

— Ну, так вот такой подметальщик, который не умеет мести и не знает никакого другого занятия, кроме неумения мести, и есть специалист.

Изучение источников.

I.

Когда мы занимаемся изучением людей, то делаем обыкновенно ту же ошибку, что и многие учителя рисования. Они заставляют ребенка срисовывать оригинал, на котором изображена лошадь, но весьма редко приходится ребенку рисовать самую лошадь.

Если бы обыкновенный человек мог удовлетворительно выражаться и передавать все мысли, возникающие в его уме, то знакомство с этим в глазах философа должно бы представляться неизмеримо более важным, чем самое основательное изучение по книгам. Мы обыкновенно пренебрегаем реальными предметами и ищем тех отзвуков, в которых лишь отражаются, и большею частью неудовлетворительно, — эти предметы.

Помпея и Геркуланум *) — единственные правдивые книги о правах римлян.

II.

Профессор рыбоведения читал лекцию. Студенты слушали... конечно, как обыкновенно слушают студенты. И при том студенты, изучающие интиологию **)!

— Карп, милостивые государи...

Затем следовало нечто о карпе.

— Карп, милостивые государи...

*) Восстановленные путем раскопок в 18 столетии города древнего римского государства, погибшие за 17 веков до того от извержения вулкана Везувия (на о. Этне).

**) Наука о рыбах.

И вдруг, в аудиторию приплыл карп. Каким образом это случилось при той суши, которая господствовала в зале, нас это не касается. Несчастные студенты давно уже страдали от нее, а карп нисколько не лучше студента.

— Вот он и сам! — воскликнули студенты в один голос.

И предоставили профессору говорить о карпе, а сами стали его разглядывать.

Со стороны студентов это было понятно и естественно.

Но я хотел бы, чтобы мы поступали так же, чтобы мы более занимались наблюдением живых людей, чем с жадностью набрасывались на сочинения о человеке.

Нет человека, душевная история которого не была бы значительнее, чем самый длинный и «занимательно» написанный роман.

Сверх программы.

В одной из больниц Амстердама молодому матросу должны были ампутировать *) ногу.

Хирург выполнил операцию, во время которой матрос геройски курил трубку. По временам он крепко стискивал зубы, но ему удалось превозмочь боль.

Оператор удивлялся его мужеству и, перевязывая рану, расточал ему похвалы...

Вдруг герой испустил душу раздирающий крик.

Оказалось, что хирург его уколол.

— Как! Вы кричите из-за такого пустяка, вы, который только что...

*) Отрезать.

— Это — правда, господин доктор, но, видите ли... этот укол не входил в программу!

Матрос был в праве сетовать.

Сказка о японском каменотесе.

Жил был однажды человек, который ломал камень из скалы. Его работа была тяжелая, и он много трудился, плата же была ничтожна, и он не был доволен.

Он вздохнул, ибо труд его был тяжел. — О, если бы я был богат, — сказал он, — и мог бы отдыхать на подушках из красного шелка.

И явился с неба ангел и сказал: Да будет тебе согласно твоему желанию.

И каменотес стал богат. И он отдыхал на подушках из красного шелка.

И царь той земли проезжал мимо со всадниками, окружавшими его карету. И над головой царя держали золотой балдахин.

И когда богатый человек увидел это, ему стало досадно, что над его головой не держат золотого балдахина. И он не был доволен.

Он вздохнул и сказал: — я желал бы быть царем.

И явился с неба ангел и сказал: — да будет тебе, как ты хочешь.

И каменотес стал царем. И перед его каретой ехало много всадников; такие же всадники ехали и позади кареты, а над головой его держали золотой балдахин.

И солнце лило горячие лучи и палило землю, так что трава вся посохла.

И он жаловался, что солнце жжет ему лицо, и что оно сильнее царя. И он не был доволен.

Он вздохнул и сказал: — я желал бы быть солнцем,

И явился с неба ангел и произнес: — да будет тебе по желанию твоему.

Каменотес стал солнцем. И он посылал свои лучи повсюду — вверх и вниз, вправо и влево.

И он палил траву и лица царей, живших на земле.

Но между ним и землей встало облако, и лучи солнца не могли проникнуть сквозь него.

И он разгневался, что его могуществу оказывается сопротивление, и жаловался, что облако сильнее его. И он не был доволен.

Он захотел стать облаком, которое было так могущественно.

И явился с неба ангел и воскликнул: — да будет тебе, как ты сказал.

И каменотес превратился в облако, остановился между солнцем и землей, перехватывая лучи так, что трава вся зазеленела.

И облако послало на землю крупный дождь, и вспучило реки, и затопило, и увлекло вместе с водою очаги.

И облако потоками воды опустошило поля.

И спустилось оно на скалу, которая не двигалась с места. Дождь лил потоками, но скала не двигалась.

И каменотес рассердился, что скала не двигается, и вся сила потоков напрасна. И он не был доволен.

Он сказал: — Этой скале дано более силы чем мне. Я желая бы быть этой скалой.

И явился с неба ангел и воскликнул: — пусть будет, как ты сказал.

И он стал скалой и не двигался, когда светило солнце и шел дождь.

И пришел человек с киркой, с острым рез-

дом и с тяжелым молотом, и начал ломать камень из скалы.

И скала сказала: — что это значит, что этот человек имеет силу надо мною и ломает камень из недр моих?—И каменотес не был доволен.

— Я слабее, чем этот человек... и желал бы быть этим человеком, — сказал он.

И явился с неба ангел и воскликнул: — пусть будет, как ты сказал.

И он снова стал каменотесом. И он ломал камень из скалы, и исполнял тяжелую работу за небольшую плату, и был доволен...

На высоте.

Бабочка взлетела высоко-высоко вверх. Она наслаждалась свободой, красотой, но больше всего радовалась тому, что растилась под нею.

— Летите, летите сюда... — кверху! — казалось, говорила она сестрам, порхавшим внизу над цветами земли.

— Мы пьем мед и останемся внизу.

— О, если бы вы знали, милые сестры, как чудесно видеть все вокруг. Летите, летите же сюда!

— А есть ли там цветы, из которых можно высасывать мед, необходимый бабочкам для поддержания жизни?

— Отсюда видны все цветы и это—наслаждение...

— Есть ли там мед?

Меду действительно не было!

Бедная бабочка, питавшая отвращение и жизни внизу, утомилась.

Но всетаки она старалась удержаться на высоте. Так чудесно было смотреть сверху, охватывать все одним взглядом.

Но мед... мед? Меду наверху не было!

И ослабела бедная бабочка! Взмахи ее крыльев становились все более и более вялыми. И она опускалась все ниже и ниже. Она видела все меньше и меньше.

Однако, ей страстно хотелось...

Но ничто не помогало! Она падала...

— Ага, вот ты и снова здесь, — воскликнули сестры, — разве мы этого не предсказывали? Итак, ты спустилась высасывать здесь мед из цветов, как и мы. Мы так и знали!

Так говорили сестры, радуясь тому, что они были правы.

— Спускайся же вниз и собирай мед, как мы!

И бабочка падала все ниже и ниже... и хотела еще... в этом месте рос куст цветов... достигнет ли она его? Она уже не спускалась... Она упала сразу. Она упала близ куста, в проезжую колею...

Здесь ее растоптал копытом осел.

Семя.

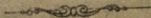
Когда я смотрю на какое-нибудь художественное произведение, когда оцениваю выдающееся деяние, когда сужу о выраженной кем-нибудь мысли, я всегда задаю себе вопрос: что происходило в душе художника, героя или философа, в результате чего создан такой идеал, возникла решимость для такого поступка, явилась и оформилась в виде готовой идеи такая мысль? Другими словами: я спрашиваю, что было за-

ронено в душу? Через какие состояния она прошла?

И зачатие каждого великого дела приводит мне на память изречение: в болезни будешь ты рождать детей!

Если бы семя могло говорить, оно жаловалось бы, что прорастание сопровождается болью.

Героям, художникам и мыслителям мои слова, равно как и жалобы семени, будут понятны..

ПЕРУАНСКАЯ СКАЗКА *).

— Разве, Вальтер, ты не читаешь дома божественных книг? — спросила Фемкэ своего юного друга, когда он снова сидел у нее на опрокинутой корзине для белья.

— Читаю; но они не интересны.

— Не знаешь ли ты чего-нибудь наизусть?

Вальтер произнес стих из протестантской духовной песни, который, однако, не удовлетворил Фемкэ, хотя она и нашла, что он говорил его очень хорошо.

— А другого ты ничего не читаешь?

Вальтер подумал. Он пробежал мысленно библиотеку Штоффеля: «Творения кружка любителей поэзии»... «Землеведения», «Трактат о правописании»... «Устав пожарной стражи»... «История Иосифа»... «Добрый Генрих»... «Отец Иаков среди детей»... «Проповеди пастора Геллендоорна»... «Катехизис» его же... «Песенник Гоорна»...

Он чувствовал, что из всего этого ничто не может понравиться Фемкэ. Наконец, он сказал:

— Я знаю одну книжку; но она не божественная.. в ней говорится об итальянском бандите.

Фемкэ обещала внимательно слушать, и Вальтер начал рассказывать. Сначала он говорил нескладно, с постоянным повторением «и

*) Перу — республика в Южной Америке.

тогда», без которого так трудно обойтись в рассказе, но вскоре перенесся в положение своих героев и стал рассказывать лучше, чем было написано в старой, грязной книжке, которую он прочел. Всякий раз, когда речь шла о каком-нибудь разбойничьем нападении или похищении, о каком-нибудь героическом подвиге, — он вскакивал с корзины и в лицах изображал деяния своих героев, так что Фемке делалось страшно. Тем не менее она наслаждалась, и когда он, наконец, замолчал, искра его своеобразно направленного, но неподдельного вдохновения запала ей в сердце, и оно билось так же сильно, как и у Вальтера, от упоения всем, только что слышанным. У обоих пылали щеки, и, право, если бы по близости находилась барка, готовая к отплытию в Италию, Фемке сейчас поехала бы туда, чтобы тоже испытать все эти опасности, приключения и... любовные похождения. В особенности же ей понравилось то, что из рассказа Вальтера явствовало, как тверд в своей вере итальянский разбойник.

— Не знаешь ли ты еще чего-нибудь?

— Да, — сказал Вальтер, который уже чувствовал себя в своей стихии. — Я знаю еще... это было в маленькой книжке, кажется, в альманахе*)

И он начал рассказывать:

— В одной большой стране, Фемке, был однажды царь, который назывался Инка. Все цари этой страны назывались Инки...

— Как у нас — Оранские**).

— Да, как у нас Оранские. Но там, в Перу — эта страна называлась Перу — цари пришли

*) Сборник.

**) Королевская династия Голландии.

отку
уход
были
ходи

был
дочь
Куск

лучш
ду н

буду
об э

един
И н
ется
в од

одно
Тут

цар
вать
руан
рями
зако
толь
цов
солн
шн

была

откуда-то с солнца, и когда они умирали, то уходили обратно на солнце. И они не должны были жениться на девушке, которая не происходила от солнца. Таков был закон в Перу...

— Разве это было в самом деле, Вальтер?

— Так написано в книге, Фемкэ. Итак, там был царь, у которого было трое детей: одна дочь и два сына. Сыновей звали Теласко и Куско; имя девушки я забыл.

— Пусть ее зовут Мария.

— Это, кажется, не перуанское имя. Нет, лучше — Лунза или... Эмма. Или, хочешь, я буду называть ее Фемкэ?

— О нет, лучше называй «Эмма», а то я не буду знать, о ком ты говоришь: обо мне или об этой царевне...

— Хорошо, пусть будет Эмма. Эмма была единственной дочерью солнца во всем Перу. И никто не знал, кто после смерти царя сделается Инкой, так как Теласко и Куско родились в одно время. Что, это часто случается?

— Ну, конечно. Это значит близнецы. У одной моей родственницы были даже тройни... Тут нет ничего необыкновенного.

— Итак, Теласко и Куско были близнецы, и царь не знал, кто из них должен ему наследовать. Он одинаково любил обоих, а народ перуанский также охотно признал бы обоих царями. Но этого нельзя было сделать, так как в законе было сказано, что всегда должен быть только один Инка. Тогда царь созвал всех жрецов на высокую гору, чтобы быть ближе к солнцу... потому что солнце должно было решить, кто будет царем.

— Но, Вальтер, не может быть, чтобы это была правда!

— Так написано в книге, Фемкэ. И к тому же... это было очень, очень давно. Перу, ты знаешь, очень древняя страна. По приказанию царя жрецы сложили два огромных костра и положили на них много больших венков из цветов. Но они не зажгли дров, — это должно было сделать солнце.

— Это совсем не трудно — зажигательным стеклом.

— Нет, безо всякого зажигательного стекла, — у перуанцев не было зажигательных стекол. И вообще, они все это делали именно для того, чтобы узнать волю солнца. Венки на одном костре были сложены так, что составляли букву Т; это значило — Теласко. На другом костре было написано К... то-есть сделано из цветов. Это К означало Куско. И вот царь опустился на колени и все жрецы также, и они запели молитву к солнцу...

— Это очень дурно, Вальтер. Только перед святыми можно становиться на колени. И никому другому молиться тоже нельзя... Это идолопоклонство.

— Да, конечно, в книге так и сказано, что в Перу жили идолопоклонники. Но, видишь ли, Фемкэ, ты должна на это так смотреть: это было очень давно... и это был другой народ... совсем другой народ, пойми это. Да вот тебе, например... во Франции... там отца называют рёге... так что, видишь, у всякого народа свои обычаи.

Фемкэ кивнула головой, как бы соглашаясь.

— Итак, они пели молитву солнцу. Теласко, Куско и Эмма также пели, потому что им еще интереснее было узнать волю солнца, чем другим. — ты, ведь, понимаешь. Дело в том, что

если бы первым загорелся костер Куско, то он сделался бы царем, а Теласко остался бы просто царевичем. А если бы сначала вспыхнул костер Теласко, то царем был бы он, а не Куско. Для Эммы тоже важно было знать... так как она должна была выйти замуж за нового Инку. И ей очень хотелось знать, кто это будет...

— Как?... ведь они были ее братья!

— Ну, да. Но иначе нельзя было сделать, так как она одна была дочерью солнца. Не забывай, что они жили в Перу, и что там все было иначе, чем у нас...

— Да, это правда, — сказала Фемкэ, которая боялась, чтобы слишком большое недоверие не отбило у Вальтера охоту продолжать рассказ. — Это будет, как с графиней и с разбойником. У нас ничего такого не случается. Это возможно только в далеких странах.

— Да... или в очень давнее время. И вот, несмотря на долгие моления, солнце не зажгло ни один из костров...

— Неужто! — сказала девочка с изумлением, так как после всего необыкновенного, что она уже слышала, она приготовилась услышать что-нибудь еще более чудесное.

— Да, солнце не зажгло ни один из костров, но объявило Инке и всему перуанскому народу, что Эмма сама должна сделать выбор между Теласко и Куско. Кого она больше любит, тот и будет царем.

— Теперь дело сразу решится, — подумала Фемкэ и сказала это вслух.

— Как раз наоборот. Эмма не хотела выбирать. Солнце дало ей месяц срока на размышление. Она думала и размышляла, но не могла

прийти ни к какому решению. Если на мгновение ей и казалось, что она знает, кто в глубине души ей дороже, то не хотела этого сказать, потому что слишком любила другого, чтобы так огорчить его. Она знала, что оба любят ее, и что предпочесть одного — значит нанести смертельный удар другому. Она спросила совета у Теласко. Он посоветовал ей выбрать Куско...

— Как? — снова воскликнула Фемкэ, и ее восклицание звучало вопросом. Она думала, что ослышалась.

— Да ведь это было в Перу... и много лет тому назад. Тогда Эмма стала умолять Куско научить ее, что ей делать. Куско утверждал, что Теласко сделает ее счастливой, и что она должна выбрать брата. Кроме того, он находил, что Теласко более достоин быть Инкой, чем он.

Так братья ничем не помогли Эмме. Не могли ей помочь и жрецы; не мог помочь и сам царь. Он ни за что не хотел дать ей совет, так как на все это была воля солнца, и он не должен был вмешиваться. Эмма была безутешна. Она знала, как ее любит Куско. Вечером в лесу она слышала, как он пел песню, в которой говорилось, что без нее он не может жить. Она бросилась к нему на шею, села возле него на дерновую скамейку и сказала: «Милый Куско»... она положила голову ему на плечо и горько заплакала; так сильно она его любила. Там есть такая картинка, Фемкэ.

— Не можешь ли ты когда-нибудь принести книжку? — спросила девочка. Ей так хотелось увидеть эту картинку.

— Ах нет, это книга Штоффеля, а он мне

сказал, чтобы я ничего не брал из его шкапа. Это, видишь ли, его библиотека, так как он школьный учитель. — Итак, она плакала от любви. И Куско также... Может ли это быть?

— Никогда в жизни!

— А в книге так сказано. Но, слушай дальше. В то время, как они так сидели, подошел Теласко. Он подслушивал их — только одну минуту — и внезапно появился перед ними. Он преклонил колено перед Куско и сказал: «Слава тебе, Инка Перу, дочь солнца избрала тебя!» И он склонил перед ним голову до земли и хотел взять его ногу и поставить себе на спину: так выражали в Перу подчинение. Но Эмма и Куско поспешно встали и оба сразу закричали, что Теласко ошибся. «Она тебя любит, брат», сказал Куско: «и о тебе думает она, тебя видит во сне, тебя любит она, о, Теласко! Ты — царь в ее сердце и, следовательно, ты должен быть Инкой в Перу!»

Теласко затрепетал. Он слишком любил Куско и потому не мог желать, чтобы это была правда. С сомнением смотрел он на Эмму, и тут наступила для него самая трудная минута, так как теперь она бросилась ему на шею, горячо поцеловала и заставила сесть рядом с собой на дерновую скамейку. Одной рукой она обнимала Теласко, а другой — привлекала к себе Куско... и так сидела между обоими братьями. Целуя Теласко, она в то же время вздыхала: «Милый Куско!» а, лаская Куско, шептала имя Теласко... Ах, Фемкэ, так трудно было решить!

— Да, — вздохнула Фемкэ, — это был трудный случай.

— Когда Теласко казалось, что она выка-

зывает больше сердечности к Куско, он говорил: «Ты должна выбрать, Эмма!» в надежде, что счастливым избранником будет Куско. Но он не смел настаивать на решении, когда чувствовал — как ему казалось, — что она выберет его. Свое собственное горе он мог бы перенести, но мысль об отчаянии брата страшила его.

Куско же восклицал: «Выбирай, Эмма!» всякий раз, когда она обращалась в сторону Теласко, но молчал, когда ее голова покоилась на его собственном плече. Он не боялся смерти — так как, Фемкэ, он решил умереть, если ему не суждено жить с Эммой — но его заботило горе Теласко, если он должен будет изгнать из своего сердца образ Эммы. В состоянии ли ты все это понять, Фемкэ? Я не знаю, хорошо ли я рассказываю, но так сказано в книге..

— Да, я отлично понимаю, — ответила Фемкэ. — Они были близнецы, видишь ли, от того все это и происходило.

Вальтеру доставило огромную радость то, что Фемкэ понимала борьбу, происходившую в сердце Эммы, и благородство души обоих братьев. Если бы ему пришлось это растолковывать, он упал бы духом. Быстрое же понимание Фемкэ как бы наложило санкцию*) на его особое предпочтение перуанской легенды, и она стала казаться ему еще прекраснее прежнего. Это впечатление удвоило его красноречие. Теперь для него было вопросом чести оправдать доброе мнение Фемкэ, и, невольно перейдя от спокойного тона рассказчика к драматическому изображению, он стал говорить от

*) Санкция — утверждение законов органом высшей государственной власти.

лица своих героев. И Вальтер с необычайной нежностью передавал слова Теласко.

«Решай, дочь солнца! Тебя любит Куско, брат мой, благородный Куско. Найдется ли в горах серна, проворнее его? Найдется ли среди охотников более меткий стрелок? Найдется ли среди перуанских храбрецов более отважный герой, чем он?

«Решай, дочь солнца! Тебя любит Куско, брат мой, благородный Куско. Знай, я застал его спящим и слышал, как он во сне произносил твое имя. Он простирал руки, как бы желая обнять тебя и крепко прижать к своему сердцу, и губы его шевелились, как в поцелуе. Прими решение, дочь солнца, и избери благородного Куско!»

«Не делай этого, — говорил, в свою очередь, Куско: — я, также подстерег Теласко, благороднейший отпрыск царей; я видел, как он писал замысловатым узором на своем поясе твое имя, о, дочь солнца; и громко возгласил он это имя в борьбе с врагами Перу. При этом крике они обращались в бегство, как будто само охраняющее солнце спускалось на землю, чтобы истребить противников своих детей. Избери Теласко, храброго Теласко... о, дочь света!»

«Куско явился мне на помощь в битве. Без него я был бы убит. Он остался победителем на всех играх нашей молодежи. Он боролся, сражался и побеждал твоим именем...»

«Теласко уступил мне победу; он подавил в себе честолюбие, ради тебя...»

«Куско воспел тебя в чудных стихах...»

«Теласко положил их на божественную мелодию...»

«Подумай, что Куско умрет, если ты не бу-

дешь любить его больше всех на свете, — его одного..»

«Думаешь ли ты, что Теласко останется жить без твоей любви?»

Тогда девушка сказала:

«Я люблю тебя, Теласко, и люблю тебя, Куско. Я не могу выбирать между вами, как верно то, что я дочь солнца! Моя рука дрожит, когда ты ко мне прикасаешься, о, Куско, но она так же сильно трепещет, о, Теласко, когда ощущает пожатие твоей руки. Мое сердце содрогается при мысли об опасностях войны, когда я знаю, что вы оба стоите в передовых рядах сынов солнца, и я не могла-бы решить, как направить стрелу, которая должна была бы поразить одного из вас... если бы мне суждено было указать ее направление.

Когда я слышу твое пение, о, Куско, я чувствую все страдание и блаженство любви, которая кажется мне беспредельной; и все же в моем сердце находится место для другой всепожирающей страсти, когда я жадно ловлю божественные звуки твоей музыки, Теласко, сопровождающей слова Куско. Моя душа живет тем наслаждением, которое ей доставляет существование вас обоих. Ваши имена слышатся мне в ворковании горлицы в лесной чаще и в шуме и свисте ветра. Оба они кажутся мне написанными грациозными линиями на поверхности моря, расположением красок на лепестках цветов, огненными буквами на самом солнце, непорочном источнике нашего бытия. И когда я преклоняю колена рядом с Инкой, чтобы вместе со всеми детьми Перу молить нашего Бога ниспослать благословение своей стране, вся моя молитва заключается в одном вздохе—

в твоём имени, Теласко. Когда же народ возносит благодарность источнику света за благословение, ниспосланное им светлой стране Перу, то я, дочь царей, благодарю одним этим словом: Куско!

Поэтому, благородные братья, избавьте меня от выбора; я не могу... я не могу выбирать между вами!»

Так говорила дочь солнца.

Но Теласко ответил:

— Солнце объявило свою волю; оно сказало, что ты должна выбрать, Азтальпа..

— Что? — ведь, ее звали Эмма.

— Нет, Азтальпа! — вскричал Вальтер, которому вдохновение озарило память, — Азтальпа звали ее!

Теласко сказал:

— Солнце объявило, что ты должна выбрать одного из нас. Неужели ты хочешь послушаться повеления солнца?

«Пусть я лучше умру, Теласко!»

«Нет, я, я!» — вскричали разом оба брата.

«Решите вы сами, кого из вас я должна выбрать... и я покорюсь вашему решению».

«Выбери Теласко!» — вскричал Куско.

«Выбери Куско!» — вскричал Теласко.

Но девушка не могла повиноваться обоим требованиям, и в то же время не смела нарушить ни одно из них.

Теласко задумался.

«Я знаю, знаю! — вскричал он. Слушай, Азтальпа, и ты, Куско, послушайте мое предложение. Сам Бог внушил мне его! Не голубого ли цвета перья на твоих стрелах, брат мой? Не красного ли цвета на моих? Слушай же! Завтра перед восходом солнца, мы выйдем вместе на

охоту. Мы станем в кустах... ты — пройдя сто шагов дальше дерева, на коре которого мы оба вырезали имя Азталяпы... я — в ста шагах от него по эту сторону. Оттуда нам будет видно возвышенное место, куда бежит дичь, когда ее выгоняют загонщики. Мы оба будем целиться в первую лань, которая покажется из лесу. Если она будет убита стрелой с красными перьями, пусть Азталяпа изберет меня. Если же твоя стрела, Куско, сразит дичь... если на убитой лани будет твой цвет»...

Тут оба брата закрыли себе лицо руками, словно боясь увидеть что-то, предвещающее исход грозного состязания, предложенного Теласко.

«Я принимаю, — воскликнул вдруг Куско, — да, Теласко, я принимаю твое предложение. Поистине этот луч света, озаривший твое сердце, ниспослан богами. Я соглашаюсь, я соглашаюсь... пусть она изберет меня, если стрела будет голубого цвета и тебя, если красного! О, дай твое согласие, Азталяпа, и обещай свято, что ты подчинишься исходу состязания, которое предлагает Теласко!»

— Поклянись нам в этом священной клятвой, Азталяпа! — умолял и другой брат.

И девушка поклялась, и возвала при этом к святому солнцу, прося его направить ее сердце по цвету перьев той стрелы, которая завтра утром сразит первую выбежавшую из лесу лань.

На следующий день Теласко при первых лучах солнца еще издали услышал, как загонщики гнали из лесу дичь, подымая громкий крик и стуча в барабаны и тазы. Прямо перед ним лежал небольшой холм, куда дичь обыкновенно выбегала из лесной чащи, когда она в ужасе спасалась

бегством от зловещего шума. Никогда в другое время Теласко так не охотился: добыча доставалась при этом слишком легко, и такой способ охоты казался ему предательством. Впрочем и теперь он собственно не охотился: колчан его лежал на земле, и рукой, которая должна была натягивать лук, он подпирал склоненную голову.

Наконец, он всетаки медленно вынул украшенную красными перьями стрелу и левой рукой вяло взялся за лук, чтобы быть готовым выстрелить мимо, когда покажется первая лань. «Может быть Куско тщательно сосчитал мои стрелы, когда мы ночью вместе отправлялись в путь», — подумал он, предусмотрительно имея в виду, что одной стрелы должно будет не хватать в его колчане.

Шум приближался. Сейчас, быть может...

Вот вылетел олень с ветвистыми рогами... дикие буйволы, кабаны... грациозные газели... еще олени, еще буйволы... снова кабаны... О, Боже, лань, лань... вот она! Испуганное животное стояло, тяжело дыша, на холме, открытое метким выстрелам обоих охотников... впрочем, нет, — на этот раз защищенное великодушием Теласко и Куско.

Теласко выстрелил в воздух; сначала он следил глазами за полетом своей стрелы, потом закрыл их, подавленный сознанием того, что эта стрела вонзается в его собственное сердце.

Но и Куско не убил лань. Он зарыл свою стрелу и прикрыл ее сверху землею, и ему казалось при этом, что он хоронит самого себя.

И оба брата с изумлением смотрели на неведомую лань, которая, промчалась дальше.

«Ты обманул меня, Теласко, ты не стрелял!» — подбегая вскричал раздраженный Куско.

«Нет, я стрелял, брат. Но ты — ты обманул меня. Ты нарочно промахнулся!» — ответил Теласко, спешивший ему навстречу.

«Клянусь, что я этого не делал, Теласко».

Огорченные, вернулись братья домой и рассказали Азтальпе о том, что произошло, и оба жаловались, что были обмануты.

На этот раз светлая мысль осенила Куско. Он сказал:

«Завтра на рассвете пойдем снова в лес и спрячемся опять в зарослях, Теласко. И снова пусть загонщики гонят дичь по направлению к холму. И снова пусть цвет стрелы, которая сразит первую лань, решит выбор Азтальны, юю... Теласко, поклянись мне, что ты будешь на этот раз стрелять!»

«Я буду стрелять! А ты дай мне слово, что попадешь в цель».

«Я обещаю попасть!»

«Ты постарайся стрелять так метко, как только может стрелять охотник? Стрелять с намерением попасть и убить? Убить в самом деле первую лань? Правда ли? Сделаешь ли ты это?»

«Да, да, я обещаю тебе все это. А ты, Теласко?»

«Куско, и я клянусь тебе сделать то же!»

На следующий день братья снова, как накануне, стояли в засаде. Но теперь это были в самом деле охотники, жадно подстерегавшие дичь. Лево́й рукой они крепко обхватили лук из змеиного дерева; большим и указательным пальцем правой руки держали стрелу, прижав ее к полунатянутой тетиве; глаз был устремлен поверх вытянутого большого пальца, вдоль острия стрелы, прямо на опушку леса. На этот раз смерть поразит лань еще далеко от вершины холма. Вот

из чаши, тяжело дыша, выскочил бизон... за ним кабаны... олени... буйволы... лань...

Бедное животное упало, сраженное насмерть...

«Приветствую тебя, Инка Перу!» — так одновременно закричали друг другу Теласко и Куско, поспешно выходя из зарослей.

«Ты победил, Куско... это была твоя стрела!»

«Твоя, Теласко! Это не могла быть моя...

Моя рука дрожала, когда я стрелял».

«Мои глаза застлал туман, когда я целился!»

«Слава тебе, Инка Перу, Теласко, любимый Азтаल्पой!»

«Слава тебе, Инка Перу, Куско, любимец солнца!»

«Ты, брат!»

«Ты!»

«Уверяю тебя, что моя стрела!»

«Но это не могла быть моя...»

«Идем на холм!» — вскричали сразу оба брата и вместе поспешили туда, где упала лань...

«Я вижу твой цвет», — вскричал Куско еще на некотором расстоянии.

«Это невозможно, брат... Перья на стреле... голубого цвета! Иначе не может быть, так как...»

«Они должны быть красного цвета, потому что...»

Две стрелы вонзились в сердце лани. Оба брата попали, только каждый стрелял чужой стрелой.

Дело в том, что ночью Куско осторожно, как злоумышленник, прокрался в жилище Теласко и похитил из его колчана красную стрелу. Ему было нетрудно сделать это, так как ложе

Теласко оказалось пустым и никто не охранял оружие, которым его хозяин не желал пождать.

Где же был беспечный Теласко в то время, как Куско похищал у него стрелу? Теласко тайком проник в это время в жилище своего брата, чтобы взять из его колчана стрелу с голубыми перьями, которая должна была сделать Куско избранником Азтапы и царем Перу. Понимаешь ли ты это, Фемкэ?

— Да.. но...

— Ты помни все время, что это было далеко отсюда и очень давно. Слушай дальше. Оба брата были очень огорчены и Азтапа также. Она не знала, что ей делать, и молилась солнцу. То же делали Куско и Теласко. Но солнце вечно отвечало одно и то же: что Азтапа должна сама выбрать...

— Разве солнце отвечало всякий раз, когда у него спрашивали совета?

— Оно всегда отвечало. Так сказано в книге... Ведь это было далеко отсюда... Итак, Азтапа должна была все-таки выбрать. Против этого ничего, ничего нельзя было поделать. А она ни за что не соглашалась и все только повторяла, что лучше ей умереть.

Тогда новая мысль осенила Теласко, и он сказал:

«Благородная дочь солнца, да будет тебе пожеланию твоему! Ты не хочешь выбрать одного из нас... в таком случае ты должна умереть..»

— О, Боже! — вскричала Фемкэ.

— Подожди, Фемкэ, слушай внимательно. Теласко не то имел в виду, — ты увидишь дальше. Он сказал ей, что она должна умереть, и так как он понимал, что она не поверит, что-

бы он это говорил серьезно, то он объяснил ей, почему так должно быть:

«Ты должна умереть, Азталяпа, — сказал он: — Так как из-за тебя может начаться раздор в нашей стране. Всякий, кто любит Куско, желает, чтобы ты сделала меня своим избранником, так как все знают, как будет огорчен добрый Куско, если ты отвергнешь меня. А все, кто любит меня, хотят, чтобы ты отдала руку Куско, так как понимают, как больно мне было бы наслаждаться счастьем в то время, как он будет предаваться отчаянию. Ты должна умереть, Азталяпа! Пусть следствием разлада в твоём сердце не будет междуусобная война. Когда ты умрешь и вознесешься к источнику твоего бытия, — облака дыма, которые поднимутся с жертвоприношений, чтобы возвестить тебе нашу любовь, не будут раздваиваться, и в песнопениях перуанского народа не будут слышны два разных тона. В одном созвучии вознесутся наши молитвы, и разногласие не внесет фальшивого тона в наши хвалебные песни. Там... там наверху ты будешь одинаково близка нам обоим, Азталяпа! Там можешь ты нам уделить равные доли в беспредельном богатстве твоего заступничества. В то время, как ты будешь отвечать Куско шелестом пальм, я не напрасно буду прислушиваться к твоему голосу в музыке моря. И мне, и ему будешь ты являться во сне... и моя рука не будет бессильно опускаться при мысли об одиночестве Куско, а он в свою очередь не будет угнетен сознанием, что его счастье разрывает мне сердце. Такой любви, как твоя, Азталяпа, подобает могущество. Стань же всемогущий, ты это можешь, ты это смеешь, ты должна это сделать! Такова воля солнца, ко-

торое знало, что ты не избереешь ни меня, ни Куско, но избереешь смерть и одухотворение, так как человеческое сердце слишком тесно, чтобы вместить так много чувства.

Итак, умри, Азтальпа, умри и возлети к свету. В твоём сердце нет места нам обоим, но нам будет место на твоей могиле, когда ты вознесёшься на небо».

Так говорил Теласко.

Куско молчал.

Азтальпа же сказала: «Братья, я готова».

Вскоре после этого царь и жрецы собрались в лесу на горе, на которой обыкновенно приносили жертвы солнцу. И огромная толпа народа пришла туда, чтобы видеть дым, в котором Азтальпа вознесётся на небо. После того, как она будет убита, её сожгут на костре. — Ты знаешь, Фемкэ, дым всегда идет вверх. Это верно для того, чтобы возноситься, не правда ли?

— Да, — ответила девочка с такой убежденностью, словно она была сама Веледа *). Ах, она забыла и молитвенник, и четки, и изменила всем своим святым.

— Боже мой, Вальтер, как это печально! Неужели Азтальпа в самом деле должна была умереть? Это было жестоко со стороны Теласко...

— Как бы ты поступила, Фемкэ?

— Я бы... я бы, я, право, не знаю, Вальтер.

— Вот видишь, не легко было придумать. Итак, Азтальпа стояла между обоими братьями. Она была вся одета в белое, и белое покрывало спускалось ей на лицо. Народ шел печальную

*) Гермянская пророчица и вдохновительница восстания против римлян Жила в I веке по Р. Х.

песнь. Все стали на колени. Азтальпа обняла отца, сделала рукою прощальный жест толпе и воскликнула:

«Я готова. Проводите меня, братья!»

Она протянула руки обоим и смело поднялась на костер. Куско шел, согнувшись и нетвердыми шагами. Теласко казался мужественнее. О, Фемкэ, он знал, что Азтальпа не умрет...

Глубокий вздох облегчения вырвался из груди Фемкэ. Она сидела с открытым ртом, не сводя глаз с Вальтера, как будто хотела всеми силами души отразить ужасное решение.

— Нет, она не должна была умереть, и, мне кажется, что Теласко знал это. Он вынул, между тем, освященный кинжал, попросил прощения у Азтальпы... Куско стоял, закрыв лицо руками, Азтальпа сложила руки на груди, наклонила голову...

Вдруг она упала на колени перед Теласко:

«Брат... одно мгновение! Одна просьба: пусть я приму смерть от руки Куско!»

Теласко бросил кинжал и воскликнул:

«Хвала солнцу, выбор сделан! Перуанский народ, вот твой Инка! Прощай, Азтальпа!»

Все перуанцы склонили головы перед Куско. Когда же Куско стал искать брата, оказалось, что Теласко исчез. С тех пор никто его не видел.

Разве это не чудесный рассказ, Фемкэ?

— Слушай, Вальтер, если бы девушка знала... как Теласко истолкует ее просьбу, она бы ее не высказала. Но история очень интересна. Как бы я хотела знать, может ли это случиться в самом деле?

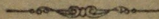
○ — Это случилось далеко, далеко отсюда и очень, очень давно, Фемкэ. По крайней мере, так

сказано в книге. Однако, теперь мне пора домой, так как у меня нет ни гроша, чтобы заплатить привратнику, если я приду после восьми часов. Ах, Фемкэ, как бы я хотел, чтобы мои стихи были уже готовы...

— Ничего, ты их напишешь. Думай о Теласко: ему также надо было исполнить трудное дело.

— Нет, я буду думать о девушке. Спокойной ночи, Фемкэ...

Вальтер получил такой сердечный поцелуй, какой заслужил своим рассказом; и, мечтая об Азтадьпе, побрел он через задние ворота домой. Луна ярко светила, и ему было досадно, что он не мог остаться у Фемкэ подольше. Он уверял себя, что при лунном свете он рассказывал бы еще лучше, но делать было нечего, так как у него не было ни гроша в кармане.

СКУЧНЫЙ РАССКАЗ О БУЙВОЛАХ И САИДЬЕ.

Да, мой рассказ будет однообразен!

Однообразен, как повесть о трудолюбивом муравье, который свою часть зимнего запаса должен втащить на кучу земли, лежащую по дороге к кладовой. Не раз скатывается он вниз со своею ношей и пробует снова, не удастся ли, наконец, взобраться на маленький камешек, венчающий гору. Но между ним и вершиной лежит бездна, которую нужно перейти... бездна, которую не могли бы наполнить и тысячи муравьев. Обладая лишь силой тащить ношу по ровному месту, ибо она во много раз тяжелее его собственного тела, он должен подниматься медленно и в опасных местах выпрямляться во весь рост. Он должен сохранять равновесие, выпрямляясь и держа ношу в передних лапках. Он крепко обхватывает ее и, продолжая стоять, старается опустить ношу на какой-либо выступ в скалистой стене. Он едва держится на ногах, шатается, силы его покидают, он пытается ухватиться за обнаженные корни вывороченного из земли дерева, с уходящей в небо вершиной (былинку), но не находит точки опоры: былинка уступает, — дерево скатывается вниз — а, увы, несчастный муравей со своей ношей не сдается в пропасть. Тогда на миг, пожалуй, даже за целую секунду, — а это в жизни муравья очень много, — он замирает. Оглушен ли он

болью падения? Или предается унынию, потра-
тив напрасно так много энергии? Но он не те-
ряет мужества. Снова берет он свою ношу, и
снова тащится наверх, чтобы затем снова и
снова скатываться с нею в бездну.

Столь же монотонен *) будет и мой рассказ.
Только я буду говорить не о муравьях, радо-
сти и страдания которых, вследствие грубости
человеческих чувств, ускользают от нашего на-
блюдения. Я буду говорить о людях, о суще-
ствах, одаренных, подобно нам, чувством и со-
знанием.

.....
У отца Саиды был буйвол, с помощью ко-
торого он вспахивал свое поле. Когда буйвол
был отнят у него начальником округа Паранг-
Кудьянг, то отец Саиды был в большом горе,
и в течение многих дней не мог выговорить ни
слова. Приближалось время пахоты, и можно
было опасаться, что, если рисовые поля не бу-
дут во время вспаханы, то легко упустить и
сев, и что, в конце концов, не будет рису, кото-
рый можно было бы сжать и сложить в
ломбонг **).

Итак, отец Саиды был сильно озабочен. Он
боялся, что рис понадобится и его жене, и Са-
идье, в ту пору еще ребенку, а также братьям
и сестрам Саиды.

Начальник округа пожалуется на него вице-
резиденту ***), если он запоздает со взносом
мельной аренды, так как в законе за это уста-
новлен штраф.

*) Однообразен.

**) Кладовая.

***) Правительственный чиновник, состоящий при на-
чальнике округа — туземном князье (см. вступит. статью).

И вот, отец Саидья взял крис *)—подарок и наследство отца. Крис не был особенно красив, но его ножны были выложены серебром. Он продал его в городе китайцу, и принес домой двадцать четыре гульдена, на которые купил нового буйвола.

Саидье в это время было семь лет, и он вскоре подружился с новым буйволом. Не без намерения говорю я «подружился», ибо, на самом деле, трогательно видеть, как нежно привязывается яванский кербо к мальчику, который его пасет и за ним ходит. Огромное животное в ответ на легкое прикосновение руки ребенка покорно склоняет свою тяжелую голову то вправо, то влево, то вниз; оно знает и понимает маленького друга, с которым выросло.

Такую дружбу внушил маленький Саидья новому гостю, и бодрящий детский голосок, казалось, придавал могучему животному особую силу в то время, как он взрывал тяжелую, илистую почву и прокладывал глубокие, ровные борозды. Дойдя до конца поля, буйвол сам поворачивал обратно, причем у него не пропадала ни одна пядь земли; борозда ложилась ровно, наряду с первою, словно рисовое поле было не полем, а садом, который какой-нибудь великан разгреб граблями.

Соседнее поле принадлежало отцу Адинды, девочки, с которою Саидья современ должен был обвенчаться. Когда братцы Адинды доходили до пограничной межи, разделявшей поля, и если в ту минуту там был и Саидья, то они весело окликали друг друга и взапуски хвалили своих буйволов. Я думаю, однако, что буйвол

*) Криснак.

Саиды был наилучший, быть может, оттого, что Саидья всех лучше умел с ним говорить: буйволы очень чувствительны к ласке.

Саидье исполнилось девять, а Адинде шесть лет, когда буйвол был отнят у отца Саидьи начальником Паранг-Кудьянга.

Отец Саидьи, бывший очень бедным, продал за восемнадцать гульденов пару серебряных крючков для гардин — приданое его жены. На эти деньги он купил нового буйвола.

Но Саидья был грустен. От братьев Адинды он узнал, что буйвола угнали в город; он спросил у отца, не видал ли он буйвола, когда ходил в город продавать крючки для гардин. На этот вопрос отец ничего не ответил; и Саидья боялся, что их буйвол убит так же, как и другие, которых начальник округа отнимал у населения.

Саидья горько плакал, вспоминая бедного буйвола, с которым так дружно прожил два года. И долгое время он не мог есть, так как горло сжималось, и кусок не проходил в глотку.

Надо принять во внимание, что Саидья был ребенок.

Новый буйвол подружился с мальчиком, и скоро — даже черезчур скоро — занял в его сердце место своего предшественника. Ибо, увы, мягкие, как воск, впечатления нашего сердца быстро сглаживаются и уступают место другим! Как бы то ни было, но новый буйвол не был так силен, как прежний... Старое ярмо было для него черезчур широко... Но бедное животное было так же терпеливо, так же добродушно, как и то, которого убили. Если теперь Саидья при встрече с братьями Адинды не мог уже хвалиться силою своего буйвола, то он зато

утверждал, что никто не сравнится с ним в усердии. Когда борозда выходила не столь ровно, как прежде, или когда по краям ее оставались неразбитые комья земли... он сам, как умел, исправлял эти недочеты мотыкой. Вдобавок, ни один буйвол не был так красив. Сам священник сказал, что завитки шерсти на лопатках животного сулили ему особое счастье.

Однажды в поле Саидья тщетно побуждал буйвола приняться за работу. Животное стояло, как вкопанное. Пораженный таким стойким и, главное, таким небывалым упрямством, Саидья не сдержался и выругался. У него сорвалось крепкое слово. Всякий, кто бывал в Индии, поймет меня. А кто не поймет, тот только выиграет, если я избавлю его от толкования грубого ругательства.

Саидья не хотел сказать этим ничего дурного. Он произнес эти слова, потому что много раз слышал их от землепашцев в ту минуту, когда они сердились на своих буйволов. Но он мог бы ничего не говорить, так как все равно это не помогало: буйвол не делал ни шагу вперед. Он встряхивал головой, словно хотел сбросить с себя ярмо... ноздри его раздувались от частого дыхания... он фыркал, трясся, вздрагивал... В голубых глазах виднелся ужас, губа была приподнята, десна обнажилась...

«Беги, беги, — закричали вдруг братья Адинды, — Саидья, беги! Тигр близко!»

Они выпрягли своих буйволов, вскочили на их широкие спины и ускакали, несясь через рисовые плантации, через плотины, по илу, по кустарнику, по высокой траве, вдоль полей и дорог; когда, все в поту и задыхаясь, они доехали

до деревни Бадур. Саиды не было между ними...

В ту минуту, как он, подобно остальным, вскочил на буйвола, чтобы обратиться в бегство, неожиданный прыжок тигра заставил его потерять равновесие и упасть на землю. Тигр был в двух шагах...

Буйвол Саиды перескочил место, где его маленького господина ждала смерть. Он пролетел мимо Саиды, благодаря стремительности разбега. Но едва удалось ему преодолеть эту силу, — как он тотчас же вернулся, уперся своими крепкими ногами в землю, устроив над мальчиком из своего тела род крыши и устоялся рогами в сторону хищника. Тигр прыгнул... но это был его последний прыжок. Буйвол подхватил его на рога, лишившись сам только куска мяса, вырванного у него тигром на шее. Хищник лежал на земле, с распоротым животом. Саиды был спасен. Действительно, у буйвола должно быть на роду было написано счастье.

Когда отняли и этого буйвола у отца Саиды, и когда его убили...

... я предупреждал тебя, читатель, что повесть будет однообразна...

... когда убили и этого буйвола, Саиде было уже двенадцать лет, а Адинда уже ткала саронги *) и украшала каймами их капалы. Тяжелые мысли сплетались у нее с движениями

*) Саронг — своеобразная часть одежды у яванцев, как у мужчин, так и у женщин: он делается из куска самотканной материи; концы куска сшиваются вместе. Один из концов называется „капада“, что значит голова, и украшается широкой каймой.

челнока, и на ткани она выводила узор печали, ибо видела, что Саидья был грустен.

Тяжело было на душе и у отца Саидьи, но всех более была огорчена мать. Она залечила рану на шее преданного буйвола, спасшего жизнь ребенка и принесшего его домой в ту минуту, когда, по рассказам братьев Адинды, мать считала его уже добычею тигра. Она часто рассматривала рану, соображая при этом, с какою силой должны были вонзиться в мягкое тело ребенка когти зверя, проникшие так глубоко в грубые мускулы буйвола; часто прикладывала к ней свежие целебные травы; ласкала буйвола, называла его нежными словами, желая выразить верному животному всю благодарность матери. Она надеялась, что с течением времени буйвол поймет ее, ибо тогда он понял бы и ее отчаяние, когда его увели на убой, и он знал бы, что на смерть его послала не мать Саидьи.

Несколько времени спустя, отец Саидьи скрылся из деревни. Он страшно боялся наказания за неуплату аренды; а между тем, ему уже не на что было купить нового буйвола, ибо родители его постоянно жили в Паранг-Кудьянге, и потому не могли оставить ему большого наследства. Родители его жены также жили в этом округе. Лишившись последнего буйвола, он продержался еще кое-как несколько лет, обрабатывая землю с помощью наемного скота. Но эта неблагоприятная работа особенно тяжела для тех, у кого были уже некогда свои буйволы. Мать Саидьи умерла с горя, а отец, в минуту уныния и отчаяния, покинул Лебак и Бантам с тем, чтобы поискать заработка в Буи-тенцорге. За то, что он покинул Лебак без

паспорта, его наказали палками, и он был снова водворен в Бадуре полицией. Здесь его посадили в тюрьму, так как приняли за сумасшедшего, и боялись, чтобы он не впал в амок *), или чтобы с ним не случилось еще какого несчастья. Вскоре, однако, после того, как его посадили, он скончался.

Что случилось с братьями и сестрами Саидьи — не знаю. Домик, в котором они жили в Бадуре, стоял в течение некоторого времени пустым, а затем быстро развалился, так как был построен из бамбука и покрыт пальмовыми листьями. Горсточка пыли и пепла осталась на том месте, где было перенесено столько страданий. Таких мест в Лебаке много..

Саидье исполнилось пятнадцать лет, когда отец его ушел в Буитенцорг. Саидья не пошел за ним, так как у него были иные замыслы. Ему сказали, что в Батавии живут господа, которые ездят в тележках, так что он мог бы там легко найти себе место возницы; для этого обыкновенно выбирают подростков, чтобы слишком большою тяжестью позади двуколки не нарушать равновесия. Говорили, что при хорошем поведении можно на этой службе заработать большие деньги. Быть может, он в три года скопит таким образом достаточную сумму на покупку двух волов. Это ему улыбалось. Уве-

*) Амок — припадок буйного помешательства. Этим словом обозначается состояние человека, который в бешенстве бросается и разбивает все окружающее, пока его самого не убивают. Несчастный, охваченный этим бешенством, не узнает ни врагов, ни друзей. Причиной болезни является ревность или слишком долго сдерживаемое негодование на дурное обращение. Яванец, как и большинство туземцев, кроток и уступчив от природы. Но будучи слишком глубоко уязвлен или чрезмерно долго оскорбляем, он изливает свою ярость в „амоке“.

реинным шагом, как человек, задумавший нечто важное, пошел он по отъезде отца к Адинде и сообщил ей свой план.

— Подумай,—сказал он,—когда я вернусь, мы сможем обвенчаться, и у нас будет в хозяйстве пара буйволов.

— Чудесно, Саидья, я охотно приду к тебе, когда ты вернешься. А до тех пор буду прилежно прясть, ткать и вышивать саронги.

— О, я верю тебе, Адинда. Но... если я, вернувшись, застаю тебя замужем?

— Саидья, ты ведь знаешь, что я ни за кого не пойду. Мой отец обещал меня твоему отцу.

— А ты?

Я выйду только за тебя, можешь быть в этом уверен.

— Когда я приду, то буду издали звать тебя..

— Кто же услышит, если мы в деревне будем заняты толчением риса?

— Правда, Адинда... Лучше так: жди меня близ молодой роши, у того самого кетапана, под которым ты дала мне веточку мелатти *)..

— Но, Саидья, как узнаю, когда мне выйти, чтобы встретить тебя под кетапаном?

Саидья подумал с минуту и сказал:

— Считай месяцы. Я буду в отлучке трижды двенадцать месяцев. Текущий месяц не считается. Смотри, Адинда, делай каждый месяц по зарубке на чурбане, в котором ты толчешь рис. Когда наберется трижды двенадцать зарубок,

*) Индийский жасмин.

то в ближайший день я приду под кетапан. Обещаешь ли ты встретить меня?

— Да, Саидья, в тот день, когда ты придешь, я буду под кетапаном, близ кустарника.

Тогда Саидья оторвал полоску от своего синего, уже довольно изношенного, головного платка и отдал кусочек полотна Адинде, с тем, чтобы она хранила его, как залог. Затем он покинул Адинду, а вместе с нею и Бадур.

Шел он много дней. Миновал Рангказ-Бетунг, который в ту пору не был еще главным городом Лебака, Варанг-Гунунг, где в то время жил вице-резидент, а на следующий день увидал Пандегланг, утопавший в садах. Еще день спустя он пришел в Серанг и был ослеплен великолепием большого города, с домами, построенными из камня, и крытыми красною черепицей. Саидья не видал ничего подобного. Он провел там день, так как был утомлен, а в прохладе ночи отправился далее, и на следующий день пришел в Тангеранг еще задолго до той минуты, как тень достигла до его губ, ибо он носил широкий тудунг *), доставшийся ему в наследство от отца.

В Тангеранге он выкупался в речке, близ перевоза, и остановился в доме знакомого, научившего его отца плести соломенные шляпы, какие привозят из Манильи. Саидья остался на день, чтобы самому выучиться этому ремеслу, думая этим заработать, если в Батавии его постигнет неудача. На следующий день, к вечеру, когда

*) Тудунг — головной убор яванцев, сплетенный в виде широкого, круглого бляда. Определяя часть дня по той тени, которую отбрасывал на лицо тудунг, Саидья следовал общераспространенному индийскому обычаю.

стало прохладнее, он поблагодарил приютившего его хозяина и пошел дальше. Как только стемнело, он достал лист, в котором хранил цветок жасмина, данный ему Адиндою под кетапаном. Ему стало тяжело от того, что он так долго ее не увидит. Первые два дня он менее сильно чувствовал одиночество, так как всецело был поглощен мыслью о том, что заработает денег и купит на них двух буйволов, между тем, как у его отца был всего один буйвол; его мысль устремлялась на предстоящее свидание и не давала места печали разлуки. Прощание было озарено восторженной надеждой, и в его мечтах оно соединялось уже со свиданием под кетапаном. Эта встреча играла такую большую роль в его сердце, что, проходя мимо дерева и покидая Бадур, он ошущал радость, словно тридцать шесть месяцев, отделявшие его от этой счастливой минуты, уже миновали. Ему представилось, что он уже вернулся из путешествия, и что стоит только оглянуться, и он увидит под деревом Адинду.

Но чем дальше уходил он от Бадура, и чем яснее убеждался в том, как томительно-долог может быть день, тем сильнее чувствовал весь ужас тридцати шести месяцев разлуки. В душе его появилось нечто, заставлявшее его идти вперед с меньшею быстротой. Он чувствовал усталость, уныние, тоску. Он подумал даже о том, не вернуться ли ему назад; но что скажет о таком малодушии Адинда?

Итак, он шел, хотя и не столь быстро, как в первый день. В руке он держал цветок мелатти, и не раз прижимал его к сердцу. За последние три дня Саидья стал словно старше и не понимал того, как мог он жить раньше спокойно,

когда Адинда была ему так дорога, и когда он мог ее видеть сколько хотел. Теперь он не был бы так спокоен, если бы знал, что она сейчас появится перед ним. Не понимал Сандья и того, как он ни разу не обернулся, простившись с Адиндой, и не взглянул ей еще раз в лицо! Вспоминал и то, как поссорился с нею недавно из-за веревочки, которую она сплела его маленькому брату для бумажного змея; веревочка оборвалась, потому что была непрочна свита, как ему казалось; вследствие этого они проиграли пари с детьми из соседней деревни. «Как можно было,—думал он теперь,—сердиться из-за этого на Адинду! Даже если она и плохо сплела веревочку, и партия между Бадуром и Чипурутсм была проиграна из-за этого, а не из-за сколка стекла—так ловко и так коварно бросаемого всегда из засады маленьким Джамием, с целью подрезать змей противника,—как мог я быть так жесток к ней, как мог я называть ее оскорбительными словами? Что, если я умру в Батавии, не испросив ее прощения за такую ужасную грубость? Разве я не подлый человек, если могу осыпать девушку ругательствами? И не скажет-ли каждый в Бадуре, услышав о моей смерти на чужбине: «Хорошо, что он умер, ибо он ругал Адинду?»

Мысли его приняли оборот, весьма далекий от предшествовавшего под'ема, и незаметно вылились сначала в полу-слова, которые он шептал про себя, а затем в следующую тоскливую песню:

Не знаю, где мне суждено умереть.

Я видел бесконечное море у южного берега, как работал там с отптом над добыванием соли.

Если я умру на море, и труп мой будет брошен в глубокие воды, то приплывут акулы.

Они будут плавать вокруг моего тела, вопрошая: кто из нас проглотит это тело?

Но я ничего не услышу.

Не знаю, где мне суждено умереть.

Я видел, как горел дом Паанзу, который Паанзу сам поджог, лишившись рассудка.

Если я умру среди горящего дома, то на мой труп будут рушиться головы.

А на дворе, перед домом будут раздаваться громкие вопли людей, заливающих пожар водою,

Но я ничего не услышу.

Не знаю, где мне суждено умереть.

Я видел, как упал с дерева маленький Сиуна, желая сорвать плод для матери.

Если я упаду с дерева, то буду лежать под ним, мертвый, как Сиуна.

Мать не будет рыдать надо мной: она умерла. Но чужие будут восклицать резкими голосами: „вон лежит Сандья“.

Я ничего уже не услышу.

Не знаю, где мне суждено умереть.

Я видел тело Пализу, который умер в глубокой старости; его волосы были белы, как снег.

Если я умру в старости, убеленный сединами, то вокруг моего трупа соберутся плакальщицы.

Они будут рыдать, как рыдали плакальщицы у трупа Пализу, и так же громко будут рыдать мои внуки.

Но я ничего не услышу.

Не знаю, где мне суждено умереть.

Я видел, как умирали многие в Бадуре. Их одевали в белое платье и хоронили в земле.

Если я умру в Бадуре, и меня похоронят за пределами деревни, к востоку от холма, поросшего высокою травой,

То там пройдет Адианда, и край ее одежды тихо коснется травы... И это я услышу...

Сандья прибыл в Батавию. Он попросил одного господина взять его к себе на службу; тот исполнил просьбу немедленно, так как не понимал Сандьи. В Батавии берут охотно слуг, не умеющих говорить по-малайски и, следовательно, не столь испорченных, как другие, находящиеся в более долгом соприкосновении с европейскою культурой. Сандья вскоре выучился малайскому языку, но вел себя хоро-

то, так как постоянно думал о буйволах, которых собирался купить, и об Адинде. Он вырос и возмужал, ибо ел ежедневно пищу, которая в Бадуре была редкостью. Все на конюшне его любили, и наверно ему не отказали бы, если бы он посватался за дочь кучера. Сам хозяин так дорожил Саидьей, что скоро возвел его в сан камердинера. Ему увеличили жалованье и сверх того делали подарки, так как были очень довольны его услугами.

Поэтому все были удивлены неблагодарностью Саидьи, когда к концу трех лет службы он попросил расчета и аттестата о хорошем поведении. Но отказать в его просьбе было нельзя, и Саидья легко и весело отправился в обратный путь.

Он проходил через Пизинг, где жил некогда Хавелаар. Но Саидья не знал этого. Да если бы он и знал, то теперь на душе у него было нечто иное, что заполняло ее всю. Он пересчитывал богатства, которые нес с собою домой. В бамбуковом свитке лежал паспорт и свидетельство о хорошем поведении. В висевшем на ремне колчане, о плечо билось непрерывно что-то тяжелое, но можно представить себе радость, с какой он это ощущал... Там было тридцать испанских долларов, которых могло хватить на покупку трех буйволов! Что скажет на это Адинда? И это еще не все! За спиною виднелись кованные серебром ножны кинжала, который он носил за поясом. Рукоятка была выточена из драгоценного дерева и тщательно завернута в шелковый чехол. Кроме этих сокровищ в складках куртки, на талии, был спрятан пояс из серебряных колец, с золотым аграфом.

Пояс был,
была така

А на п
мешочек,
цветков

Разве п
остался в
сколько бы
умевшего п
Разве удив
ми девушка
он отвечал

в этих стр
тельно и т
столь прек
тавию. Он
как делал
езде резид
раздо боле
Буитеншор
личает «дел
мало вника
вместе по д
тан-Кидула
рили о том
бесплодных
упала; что
га за откр
делям арест
стя; что м
сено в Ранг
стент-резид
сколько мес
ник устрои

*) Генерал

Пояс был, правда, короткий, но ведь Адинда была такая тоненькая.

А на шнурке вокруг шеи висел шелковый мешочек, в котором лежало несколько сухих цветков мелатти...

Разве после этого удивительно, что Саидья остался в Тангеранге ровно столько времени, сколько было нужно, чтобы посетить знакомого, умевшего плести красивые соломенные шляпы? Разве удивительно, что при встрече с молодыми девушками, на их вопрос: «откуда и куда»? — он отвечал не более того, что принято говорить в этих странах в виде приветствия? Неудивительно и то, что Серанг не показался ему уже столь прекрасным, так как теперь он видел Батавию. Он не заползал уже более в кустарник, как делал это три года тому назад, при проезде резидента, так как видел теперь уже гораздо более важную особу, которая живет в Буитендорге, и которую король Суракарты величает «дедом»... *). Было-ли то чудом, что он мало вникал в рассказы людей, шедших с ним вместе по дороге и болтавших о новостях Бантан-Кидула? Он едва слышал, когда ему говорили о том, что культура кофе, после многих бесплодных попыток поднять ее, совершенно упала; что окружной начальник Паранг-Кудьянга за открытый грабеж приговорен к двум неделям ареста, которые он отбывает в доме теста; что местопребывание начальника перенесено в Рангказ-Бетунг; что прибыл новый ассистент-резидент, так как старый скончался несколько месяцев тому назад; что новый чиновник устроил собрание и беседовал на нем с ту-

*) Генерал-губернатор о. Явы.

лах, кото-
Он вырос
т, которая
пошнее его
бы, если
ам хозяин
вел его в
лованье и
ыли очень

агодарно-
службы он
нем пове-
ло нельзя,
в обрат-

л некогда
Да если
него было
пересчи-
ую домой,
и свиде-
севшем на
спрерывно
себе ра-
было три-
огло хва-
скажет на
иною вид-
ажала, ко-
ыла выто-
ельно за-
их сокро-
л спрятан
аграфом.

земцами; что пока никто еще не был наказан по его жалобе, и, что народ надеется на возвращение, или возмещение деньгами всего отнятого у него...

Нет, перед Саидьей стояли иные, прекрасные картины. В облаках он искал очертаний кетапана, будучи еще слишком далеко от Бадура. Он охватывал руками окружавший его воздух, словно хотел обнять стан той, которая будет ждать его под деревом. Он рисовал себе лицо Адинды, ее голову, ее плечи... Он видел ее тяжелую косу, черную и блестящую, заключенную в сетку и свисающую с затылка... Он видел ее огромные глаза, горящие темным блеском... Он видел ее нос, который она так упрямо вздергивала, когда была ребенком, и когда — неужто это было возможно? — он ее мучил, и утолчки ее губ, в которых всегда дрожал смешок. Он видел ее грудь, распустившуюся, как цветок, под одеждой; он видел, как самотканый саронг тесно облегал ее стан, обрисовывая круглую линию бедра, и чудесным спуском падает у колена, к ее маленькой ножке...

Нет, он не слышал того, что ему говорили. Ему чудились иные звуки. Он слышал, как Адинда говорит ему: «Добро пожаловать, Саидья! Я думала о тебе все время, когда ткала, и толкла рис в ступе, на которой высечены моей рукой тридцать шесть зарубок, и вот я стою под кетапаном в первый день нового месяца. Добро пожаловать, Саидья! Я хочу быть твоею женой!»

Такова была музыка, чудесно звучащая в его ушах и мешавшая ему вслушиваться в то, что ему говорили по дороге.

Наконец, он увидел кетапан. Или, скорее,

увидел темное пятно, закрывавшее собою от глаз звезды. То был, очевидно, молодой лесок, вблизи кетапана, под которым он должен встретиться с Адиндой на другой день, на восходе солнца. Он искал и ощупывал в темноте ствол. Вскоре он нашел знакомую неровность на южной стороне дерева и вложил палец в трещину, которую некогда сделал топором Сипанте для заклятия злого духа, причинившего зубную боль матери Сипанте перед рождением его младшего брата. Это был тот самый кетапан, который он искал.

Да, то было место, где он впервые взглянул на Адинду иначе, чем на остальных товарищ, потому что здесь она впервые отказалась от участия в игре, в которую, однако, незадолго перед тем играла со всеми детьми, — и с мальчиками, и с девочками. Тут она дала ему цветок мелатти.

Он сел у подножья дерева и поднял голову к звездному небу. Когда одна из звезд скатилась, он принял это за привет своему возвращению в Бадур. Он подумал: спит ли теперь Адинда? Тщательно ли она отмечала месяцы на деревянной ступе для толчения риса? Ему было бы больно, если бы она пропустила хоть один месяц... Тридцать шесть! Разве этого было недостаточно!.. Много ли наткала она красных саронг? Кто теперь, спрашивал он себя, живет в доме его отца? Ему вспомнилась его юность, его мать, и то, как буйвол спас его от тигра; он подумал, что случилось бы теперь с Адиндой, если бы буйвол оказался менее преданным?

Он не спускал глаз со звезд, исчезающих на

западе, и при каждой новой звезде, скрывавшейся за краем неба, он соображал, насколько приблизилось теперь солнце к восходу, и насколько он сам ближе к свиданию к Адиндой...

Ибо, с первым лучом она наверное придет, она будет здесь даже раньше, — как только забрезжит заря. Ах, если бы она пришла накануне!..

Ему было горько, что она не спешила навстречу чудной минуте, которая в течение трех лет сияла перед ним таким неиз'яснимым светом. И эгоизм любви говорил ему, что Адинда должна была придти зная и ожидать его; его, который раньше времени плакался теперь на то, что должен ждать ее.

Его жалобы были несправедливы. Солнце еще не вставало, глаз дня еще не бросил взгляда в долину. Побледнели звезды в вышине, смущенные тем, что их владычеству был так скоро положен конец... Потоком полились дикийиные краски над вершинами гор, которые казались тем темнее, чем резче отделялись от светлого фона... То здесь, то там в облаках на востоке проскальзывал пылающий луч. Словно стрелы из золота и огня рассыпались по горизонту и снова исчезали за непроницаемой завесой, которая все еще скрывала день от глаз Саиды.

Постепенно вокруг делалось светлее и светлее. Он ясно видел уже окрестности и различал верхушки роицы, в которой пряталась деревня Бадур. Там спала Адинда!

Нет, она не спала! Как могла она еще спать? Разве она не знала, что Саидя ее ждет? Она

наверное не спала всю ночь. Деревенский сторож наверное стучал к ней в дверь и спрашивал, почему в ее домике так долго горит лампочка, а она с милым смехом отвечала ему, что бодрствует, потому что должна доткать сленданг, над которым работает и который должен быть готов к первому числу нового месяца.

А может быть она провела ночь в темноте, сидя на чурбане для толчения риса и жадно считая пальцем, действительно ли на нем сделаны тридцать шесть глубоких зарубок. Играя, она забавлялась ужасом при мысли, что, быть может, она ошиблась в счете, и что, быть может, не достает еще одной зарубки; затем снова возвращалась к уверенности в том, что с тех пор, как Саидья видел ее в последний раз, прошло ровно тридцать шесть месяцев.

И она, конечно, тоже устремляла взоры в ту сторону, где светлело, в бесплодном усилии заглянуть за горизонт и встретиться взглядом с ленивым солнцем, которое медлило... все еще медлило...

Но вот появилась алая полоска, и края облаков зарорелись, и рассыпались молнии, и снова огненные стрелы прорезали воздух, но на этот раз они не падали, а крепко пристали к темному фону, распространяя сферу огня все шире и шире, встречались, перекрещивались, сливались в снопы лучей, и блистали золотом на перламутре, и во всем были разлиты и багрянец, и синева, и серебро, и пурпур, и золото, и лазурь... О, Боже, то была заря! То было свидание с Адиндой!

Саидья не умел молиться, да это и не было

нужно: более святой, более пламенной молитвы, чем та, которою была полна его душа, нельзя было выразить человеческими словами.

Ему не хотелось идти в Бадур. Самое свидание с Адиндой казалось ему менее прекрасным, чем уверенность в том, что вот-вот он ее увидит. Он сел у подножия кетапана и принялся разглядывать окрестность. Природа улыбалась ему и, казалось, приветствовала его, как мать приветствует возвратившегося сына. И, как мать выражает эту радость, постоянно вспоминая минувшую скорбь, и возвращаясь к тому, что она хранила в своей памяти во время разлуки, так радовался и Саидья, узнавая места, бывшие свидетелями его короткой жизни. Но куда бы ни уходили его взоры и мысли, они тотчас же возвращались снова к тропинке, ведущей от Бадура к кетапановому дереву. Все, что воспринимали его чувства, сводилось к Адинде. Надево, где земля так желта, он видел пропасть, в которую однажды упал молодой буйвол. У края ее столпились жители деревни, пытаясь спасти животное: потерять молодого буйвола — горе не малое! Они спустились вниз по крепким веревкам, сплетенным из волокон тростника. Отец Адинды оказался храбрее всех. О, как радовалась, как хлопала тогда в ладоши Адинда!

По ту сторону, где кокосовый лесок качает свои вершины над хижинами деревни, свалился с дерева Сиуна и расшибся на смерть. Как плакала его мать! «Сиуна еще так мал», причитала она... Словно она была бы менее убита, если бы Сиуна был старше. Но он был мал, это правда, ибо он был меньше и слабее Адинды...

На дороге, ведущей от Бадура к дереву, никого еще не было. Но она должна сейчас прийти; о, конечно, еще черезчур рано!

Саидья увидел яванскую белочку, шаловливо резвившуюся вокруг древесного ствола. Зверек неумоимо взбирался то вниз, то вверх. Саидья смотрел на белочку и принуждал себя следить за нею, так как это отвлекало его мысли от тяжелой работы, терзавшей его с самого восхода солнца, и давало некоторый отдых. Скоро впечатления вылились у него в слова, и он запел о том, что у него было на душе. Мне было бы приятнее передать его песню по-малайски, на этом итальянском языке Востока; но приходится удовольствоваться ее переводом:

Взгляни, как белочка отыскивает себе корм
На дереве. Она взбирается и спускается, прыгает то влево, то вправо,
Обегает вокруг ствола, падает, взбирается и снова падает.
У нее нет крыльев, а между тем она легка и проворна,
как птица.

Будь счастлива, милая белочка, желаю тебе удачи!
Ты наверное найдешь то, чего ищешь...
Я же сижу, одинокий, у кустарника,
Ожидая ограды моему сердцу.
Давно уже насытилась белочка...
Давно уже вернулась в свое гнездышко...
А моя душа
И мое сердце все еще полны горечи... О, Адида!

Но никто еще не двигался по тропинке, ведущей от Бадура к кетапановому дереву.

Взгляд Саидьи упал на бабочку, которая, очевидно, радовалась наступавшему теплу.

Посмотри, как порхает бабочка.
Крылья ее блещут, словно радуга,
А сердце влюблено в цветок.
Она ищет своего благоуханного влюбленного.
Будь счастлива, милая бабочка, будь счастлива!
Ты наверное найдешь, кого ищешь...
А я, одинокий, сижу у кустарника,
Ожидая ту, без которой не может жить мое сердце.

Уже давно бабочка поцеловала

Так нежно любимый цветок.

А моя душа

И сердце мое все еще полны горечи... О, Адида!

На тропинке, ведущей от деревни Бадур, никого еще не было.

Солнце поднималось к зениту... В воздухе установилось жарко.

Посмотри, как сияет солнце в вышине

Над холмом Варинги

Ему черевчур жарко и хочется спуститься вниз

Чтоб уснуть в море, как в объятиях супруга.

Будь счастливо, о, солнце, хвала тебе!

Ты без сомнения получишь то, чего жаждешь.

Я же, одинокий, сижу у кустарника,

Ожидая покоя усталому сердцу.

Солнце давно уже зайдет

И угаснет в объятиях моря, и все потемнеет...

А моя душа

И мое сердце все еще будут томиться... О, Адида!

Но никого не было по дороге, которая от Вадура вела к кетанану.

Когда перестанут летать бабочки,

Когда погаснут звезды,

Когда жасмин не будет испускать аромата,

Когда сердца не будут наполнены горечью,

Когда из лесу исчезнут дикие звери...

Когда солнце будет двигаться в обратную сторону,

А месяц позабудет, где восток и где запад...

Если и тогда не придет Адида,

То ангел, с сияющими крыльями,

Спустится на землю, ища того, кто на ней остался
одинок.

Здесь под кетананом будет лежать мой труп...

Моя душа исходит горечью... О, Адида!

И все еще на тропинке, которая вела от Вадура к дереву, никого не было.

И увидит ангел мой труп,

И укажет на него пальцем своим братьям:

Посмотрите, таи позабыт умерший человек,

Застывшие уста его целуют цветок мелатти.

Придите и поднимите его и вознесите на неб

Он ждал Адинду, ждал и умер.

Нет, он не должен быть покинут.
Сердце его умело так любить!..
Еще раз раскроются мои застывшие уста,
И позовут Адинду, которая дорога моему сердцу..
Еще раз поведу я цветок жасмина,
Данный мне ею... О, Адивда... Адинда!

И все еще на тропинке, ведущей от Бадур-а к кетану, никого не было.

О, под утро она впала, должно быть, в глубокий сон, утомленная бодрствованием в течение многих ночей. Наверное, она не спала уже многие недели; так оно и должно было быть!

Не встать ли ему и не пойти ли в Бадур? Нет! Разве это не значило бы сомневаться в ее приходе?

Не окликнуть ли человека, который гонит в поле буйвола? Нет, слишком далеко. Сверх того, Саидье не хотелось говорить ни с кем об Адинде, не хотелось никого спрашивать... Он хотел ее увидеть, ее одну, ее первую! О, конечно, конечно, она должна сейчас придти!

Он должен ждать, ждать...

Но... если она больна или умерла?

Как подстреленный олень, побежал Саидья по тропинке, ведущей от кетана к деревне, где жила Адинда. Он ничего не видел, не слышал, а между тем у входа в деревню стояли люди, знавшие его: «Саидья, Саидья!»

Но... поспешность или страсть мешали ему отыскать дом Адинды? Он пробежал всю улицу и, как безумный, вернулся назад и ударил себя по лбу за то, что мог пробежать мимо ее дома, не узнав его. И снова очутился у входа в деревню, и снова, — не сон ли то, о, Боже? — не нашел дома Адинды! Еще раз промчался он обратно, потом вдруг остановился, схватился обеими руками за голову, словно желая вырвать

из нее безумие, которое ее охватывало, и закричал: «Я — сошел с ума, я — пьян, пьян!»

Бадурские женщины вышли из хижин и с жалостью смотрели на стоявшего среди деревни Саидью; они узнали его и поняли, что он ищет дом Адинды, а между тем дома Адинды в деревне Бадур не было.

Ибо, когда окружной начальник Паранг-Кудьянга отнял у отца Адинды его буйвола...

... я предупреждал тебя, читатель, что рассказ будет однообразен!..

... то мать Адинды умерла с горя. А младшая сестренка умерла, потому что не стало матери, которую она сосала. Отец Адинды, боясь наказания за невзнос земельной аренды...

... знаю, знаю, что рассказ мой однообразен!..

...отец Адинды скрылся из деревни. Он взял с собою и Адинду, и ее братьев. Но он знал, что отец Саидьи был наказан палками в Бунтен-цорге за то, что ушел из Бадура без паспорта. Поэтому отец Адинды не пошел ни в Бунтен-цорг, ни в Краванг, ни в Преангер, ни в Батавию... Он отправился в Джилянкаган, в Лебакский округ, граничащий с морем. Там он скрывался в лесах, ожидая прибытия Паэнта, Палонга, Сиунна, Пансиу, Абдул-Исма и еще нескольких человек, у которых начальник Паранг-Кудьянга отнял также их буйволов, и которые боялись наказаний за неуплату своих аренд. Ночью все отправились к владельцу рыбацкой лодки и уплыли в море. Они плыли на запад, оставив землю вправо, к Явангунту. Отсюда повернули на север и плыли, пока не увидели перед собой Тана-итама, который европейские моряки называют Принцевым Островом. Обогнули остров с востока, высадились в Коро-

левской бухте и направиться к высокой вершине Лампонга. По крайней мере, таков путь, который в Лебаке передавали друг другу на ухо, когда речь заходила о грабеже буйволов администрацией и о неуплаченных податях.

Но Сандья не понимал того, что ему говорили, не понял он и известия о смерти отца. В ушах у него шумело, словно в мозгу был прибит гонг *). Он чувствовал, как кровь порывами прилиwała к вискам, которые под яростью напора грозили лопнуть. Он молчал, помертвевшим взором смотрел вокруг, не видя того, кто был около него, и вдруг разразился страшным хохотом..

Нашлась старушка, которая увела беднягу к себе в хижину и стала за ним ходить. Он перестал так ужасно смеяться, но молчал по-прежнему. Ночью обитатели дома были испуганы, когда он зашел беззвучным голосом:

„Не знаю, где мне суждено умереть“...

и некоторые из бадурских жителей вскладчину принесли жертву кайману **) вод Тулунга за исцеление Сандьи, которого считали потерявшим рассудок. Но он не сошел с ума.

Однажды ночью, когда луна светила особенно ярко, он встал с бамбуковой скамьи, на которой спал, и тихо вышел из дома — искать место, где жила Адинда. Найти его было нелегко, так как разрушено было много домов. Но ему казалось, что он узнает его по прогалинам в

*) Гонг — ударный инструмент, нечто вроде медной тарелки, о которую бьют палкой.

**) Жертвоприношение кайману (кайманы или алектоты — разновидность крокодилов) состоит в том, что вечером спускают вниз по течению реки корзинку, наполненную рисом и другим кушачьим и снабженную маленьким ветильником.

роще, подобно тому, как мореплаватели определяют положение по высоким горным вершинам и маякам.

Да, это здесь... Здесь жила Адинда!

Спотыкаясь о полусгнивший бамбук и о куски завалившейся крыши, он проложил себе дорогу к святилищу, которое искал. И, действительно, нашел уцелевший остаток стены, у которой стояла еще бамбуковая кровать Адинды, а в самой стене торчал колышек, на который она вешала свое платье, ложась спать...

Но и кровать так же, как и дом, почти превратилась в прах. Он взял горсточку этого праха, прижал к открытым губам и глубоко вдохнул в себя...

День спустя он спросил у старушки, ходившей за ним, у кого находится выдолбленный чурбан для толчения риса, принадлежавший Адинде. Женщина была так обрадована тем, что он заговорил, что побежала тотчас по деревне, отыскивая чурбан. Когда она указала Саидье нового владельца, то он молча последовал за нею и, подойдя к чурбану, счел на нем ровно тридцать две зарубки...

После этого он дал женщине несколько испанских долларов, на которые она могла купить буйвола, а сам покинул деревню Бадур. В Джилянкагане Саидья приобрел рыбачью лодку и после нескольких дней плаванья, достиг в ней Лампонгского берега, охваченного восстанием против голландского владычества. Он примкнул к группе бантамцев, имея в виду не столько сражаться, сколько разыскивать Адинду. Он был кроток от природы и скорее доступен душевной муке, чем озлоблению.

Однажды, когда повстанцы снова были раз-

биты, он бродил по деревне, только что взятой голландскими войсками, и стоявшей поэтому в пламени. Саидья знал, что люди, убитые в этой деревне, были по большей части уроженцы Бантама. Как привидение, бродил он среди дымящихся хижин и вдруг наткнулся на труп отца Адинды, со штыковой раной в груди. Неподалеку от него Саидья нашел трех братьев Адинды, убитых, почти детей еще, а несколько далее лежал труп Адинды, нагой, поруганный...

Узкая полоска голубого холста была втиснута в зияющую рану, которая, повидимому, и положила конец ее долгому, отчаянному сопротивлению...

Тогда Саидья бросился навстречу нескольким солдатам, сгонявшим в огонь пылающих домов еще оставшихся в живых повстанцев. Он схватил руками широкие лезвия их сабель, ринулся вперед, последним напряжением сил отеснив солдат назад, в то время, как сабли их по-рукоять вонзились ему в грудь...

Немного спустя, в Батавии были большие празднества по поводу победы, увенчавшей новыми лаврами голландско-индийскую армию. Наместник написал в Голландию, что порядок в Лампонге восстановлен. Король Голландии, по совету своих чиновников, снова наградил орденами такое мужество.

Вероятно, за воскресной службой и в час вечерней молитвы благочестивые люди возносили к небесам благодарственные хвалы, когда узнали о том, что «Господь воинств» еще раз осенил свою помощью знамена Голландии...

„Но Бог, видящий всякую неправду,
„Не принял жертвы в этот день“.

ПИСЬМО К ИЗБИРАТЕЛЯМ.

(Отрывок из „Любовных Писем“).

I.

Когда я принял начальство над Амбойной и прилежащим к ней округом, то скоро заметил, что мне приходится иметь дело с населением, которое, обладая весьма многими прекрасными качествами, было весьма сварливо. Мне казалось даже, что многие из этих людей начинали спор ради того, чтобы только спорить, и что в отдаленных деревнях считалось даже некоторого рода почетом: «побывать по делу перед господами». Поводы к этим ссорам были большею частью ничтожны, и вам, наверное, стало бы смешно, если бы я со временем в виде образца показал вам несколько таких поводов. Но увеселять вас — не моя задача. Большую роль в судебных тяжбах жителей Амбойны играли обыкновенно ругательства. Без них они друг друга не понимают. Они — христиане и ругаются преимущественно по-голландски, совершенно так же, как яванцы в больших городах, которые, как ни мало просвещены светом Евангелия, все же находятся в более близком общении с вашими соотечественниками и единоверцами, нежели глупые обитатели внутренней части острова.

Как бы там ни было, но каждое заседание (а их бывало по два в неделю) было на три

четверти наполнено делами о словесных оскорблениях.

— Милостивый государь, Иосиф сказал, что я — собака.

Я выслушивал с тем же терпением, которое вы должны отметить в моем письме к избирателям, всех двенадцать или двадцать свидетелей, слышавших, как Иосиф действительно обозвал Авраама — или Езекиила — собакой.

Христиане в Амбойне носят по большей части библейские имена.

— Итак, Иосиф, говорил ли ты, что Авраам или Езекиил — собака?

— Да, господин ассистент-резидент. Но Авраам или Езекиил сказал, что я — свинья.

Тогда я все с тем же терпением выслушивал свидетелей, заявлявших, по совести, что они слышали, как Авраам — или Езекиил — назвал Иосифа свиньей.

Каков был мой приговор? Он был прост:

— Вы оба совершенно правы, — о, Иосиф и Авраам — или Езекиил, — а теперь ступайте спокойно по домам!

Тогда обыкновенно они требовали выдачи им свидетельства, которое могли бы показать в деревне, о том, что они были «на суде перед господами», и что каждый из них был по-своему прав.

Вот вам мое свидетельство, о, вы, сторонники «свободного труда» *) и вы, защитники «культурного метода»; и те и другие из вас вполне

*) «Свободный труд» и «культурный метод» — лозунги двух партий, боровшихся в то время за преобладание в деле колонизации голландских владений в Индии. Партия «культурного метода» была консервативной; представителем ее являлось правительство и его приверженцы. За «свободный труд» стояли либералы.

правы! Идите спокойно по домам, как Иосиф и Авраам — или Езекиил.

II.

Труд яванца можно разделить на следующие рубрики:

- 1) Барщина на частных землевладельцев.
- 2) Барщина на туземных начальников и чиновников.
- 3) Работа на «контрактантов», то-есть на лиц, которых щедрое правительство одарило правом располагать известным пространством земли, вместе с рабочей силою окрестных деревень.
- 4) Работа на частных лиц, предоставленных своим собственным средствам и вступающих без покровительства правительства в соглашение с туземцами. Это и есть пресловутый «свободный труд».
- 5) Работа на правительство: «культурный метод».
- 6) Работа на самого себя. На нее обыкновенно не хватает времени, и тогда наступают голод и нищета.

Все эти виды работы безвозмездны, и только последний вид деятельности мог бы принести пользу самому яванцу. Пять же перечисленных категорий приносят пользу: землевладельцам, туземным начальникам, европейским чиновникам, контрактантам, частным предпринимателям, голландско-индийскому управлению, то-есть, в конце концов: Нидерландам *).

Чем более работает яванец, тем более прибыл

*) Голландии.

для этих лиц, для этого правительства, для этого народа.

Яванец повинуется своим начальникам. Эти начальники имеют пристрастие к роскоши и пышности. Кто имеет своим другом начальника, тот может, сколько угодно, изнурять подчиненное ему население. Кто своему начальнику платит — кто его подкупает — может быть уверен, что получит за это в десять раз больше прибыли...

Итак, избиратели, вы, обладающие знанием людей, вы, которые слишком рассудительны, чтобы принимать что-нибудь на веру, вы, которые так падки на ложь... вы будете приятно изумлены, если я, скажу вам сейчас неправду, которую особенно рекомендую вашему неверию:

Все землевладельцы — честны. Все индийские начальники — благородны. Все европейские чиновники — безукоризненны. Все контрактанты — щедры. Все частные предприниматели — бескорыстны. Индийское правительство великодушно... а Голландия строит железные дороги на скромные остатки от расходов...

III.

Избиратели, вы читали книгу о торговле кофе *). Автор ее говорит, что история Саиды **) не истинна. Он не должен бы рассказывать этой истории, и я надеюсь, что впредь он не впадет в такую ошибку! Он рассказывает так, что вы чувствуете желание сделать его вашим придворным поэтом... Но речь

*) Роман „Макс Хавелар“. См. вступит. статью.

**) См. „Скучный рассказ о буйволах и Саиде“.

в ней идет не о вашем увеселении, о, избиратели! Автор говорит там:

«Передо мною лежат документы... или, лучше сказать, подлинное признание.

Да, признание, читатели! Я не знаю, любил ли Саидья Адинду. Не знаю и того, ушел ли он в Батавию. Не знаю, был ли он убит в Лампонге голландскими штыками. Не знаю, умер ли его отец под ударами палок, которыми его наказали за то, что он ушел из Бадура без паспорта. Не знаю, считала ли Адинда месяцы, вырезая зарубки на своем чурбане для толчения риса...

Всего этого я не знаю!

Но я знаю нечто большее. Я знаю и могу доказать, что было много Адинд и много Саидьев, и что являющееся вымыслом в отдельном случае, в общем — правда. Я уже говорил, что могу назвать имена лиц, которые, подобно родителям Саидьи и Адинды, преследуемые страшным гнетом, должны были покинуть свою родину. Я не намерен давать здесь раз'яснений, которые были бы уместны перед судом, на обязанности которого лежало бы произнесение приговора над способом проявления в Индии голландского могущества; эти об'яснения были бы убедительны лишь для тех, у кого хватило бы терпения внимательно и с интересом их прочесть, чего нельзя ожидать от публики, ищущей в чтении только рассеяния. Поэтому, вместо сухого перечня имен лиц, местностей и дат *), вместо копии со списка грабежей и вымогательств, лежащего передо мною, я старалась дать приблизительную картину того, что про-

*) Дата — обозначение времени (числа, месяца, года).

исходит в сердцах людей, когда их лишают необходимого для поддержания жизни. Или, лучше сказать, я дал возможность читателю догадываться об этом, ибо боялся ошибиться в обрисовке тех чувств, которых сам никогда не испытал.

Что же касается сущности, то пусть меня призовут для подтверждения того, что я написал! О, пусть мне скажут: «ты выдумал твоего Саидью... он никогда не пел своей песни... никакой Адинды не было в Бадуре!» Я хотел бы только, чтоб это было сказано с желанием и с твердым намерением добиться истины, пока я не доказал бы, что я не праздно болтаю языком!

О, пусть меня призовут свидетельствовать!

Избиратели, голландцы, христиане, не возбудило ли вашего внимания то обстоятельство, что от автора не потребовали подтвердить доказательствами написанного? Разве не стоило расследовать, не был ли обманщиком этот Мультатули? Разве вы не были обязаны увериться в этом? Не поразило ли вас то, что ваши правители-либералы и консерваторы, одинаково — молчали, как пойманные воры? Довольны ли вы этим, избиратели? Разве для вас безразлично, какой ответ должен быть дан на вопрос, вполне законно поставленный газетами: «не разбойничье ли государство Голландия?»

Не казалось ли вам, что следует настаивать на этом ответе? Или же вы его боялись?

Но теперь вы считаете необходимым расследовать, насколько правильны приведенные цифры. Ваши «почтенные ораторы» — которые по большей части очень плохо говорят и весьма мало почтенны — делают запрос министру ко-

лоний для раз'яснения этого дела. Это характерно! Вам говорят словами, от которых «по всей стране пробегает трепет», что вы разбойники... Почтительное молчание! Затем появляются раз'яснения, таблицы сумм, которые вы ежегодно крадете... и ваши ревностные представители хотят немедленно знать, насколько перны истине эти таблицы и заявления, и как все эти данные получены!

Выжимать из населения соки, грабить, разорять, убивать... о, это ничего не стоит для совести голландцев! Но дать возможность чужому человеку заглянуть в книги... познакомиться с ведением всего этого беспутного прожекторского *) предприятия... да, это ужасно! Достаточно этого, о, нидерландский народ, чтобы оценить характер твоего представительства и твою мораль!

Но, чорт возьми, тогда постыдитесь же ваших вечных уверений в том, что вы хотите «цивилизовать и облагородить» ваших заокеанских братьев в то самое время, как вы допускаете, чтобы ваши уполномоченные их мучили самым ужасным образом!

Устыдитесь же тогда той самой религии, которую вы хотите навязать этим «братьям», в качестве единственно истинной, и которая, в конце концов, как оказывается, сводится к проклятой корысти!

Устыдитесь же осуждать воров и убийц именем короля в то самое время, как паспорта кораблей, везущих сюда накраденные вами товары, выдаются именем того же короля!

Я отказываюсь решать вопрос, угодно ли

вам знать правду, но я хочу вам эту правду высказать.

Сверх того у меня есть еще одна причина. Я хочу лишить вас перед лицом Европы всех отговорок в том, что вы ничего не знаете! Я хочу помешать тому, чтобы в ответ на воззвание, которое я издам, люди говорили: все это делалось преступным правительством... одобрялось сонным народным представительством, но... сам народ этого не знал!

Мультипули поступал неправильно, когда облакал для вас истину во всевозможные одеяния. Вы переложили песню Саиды на музыку, и ваши дочери с большим чувством терзают ее на фортепьяно... Я собираюсь дать вам новый текст, который горячо рекомендую вашему музыкальному вдохновению. Но раньше еще одно замечание: в ответ на рассказ о Саиде, вы ответили: «ты занимательно болтаешь, расскажи нам еще что-нибудь!» и использовали таким образом настоящее или притворное восхищение рассказом, чтобы не видеть, в чем суть этого рассказа о Саиде. Но впредь вы не сможете говорить, что не знаете, что значит для яванского земледельца буйвол! Вы не можете отговариваться тем предлогом, что вам неизвестно значение нижеследующего! Вы не сможете отвечать, как прообраз Дрогстопель *): «Какое мне дело до черных туземцев с их буйволами! У меня никогда не было ни одного буйвола, и тем не менее я доволен!»

Взгляните на следующее:

*) Один из героев романа „Макс Хатсеплар“

СПИСОК

буйвоков, отнятых у населения одного округа в феврале 1856 года, в то время, как Макс Хавелдаар был ассистентом-резидентом провинции Лебака, и в то время, как Даймер ван-Твист в царствование Вильгельма III управлял именем нидерландского народа так называемыми нидерландско-индийскими колониями.

Имя ограбленного.	Деревня.	Округ.	Число похищен- ных буйволов.
Кассиб.	Каду Гавиер.	Бадур.	Один буйвол.
Манджиа.	Тыбомбонг.	"	"
Уссул.	"	"	"
Маясси.	"	"	"
Радаа.	"	"	"
Хаджи-Салик.	"	"	"
Саниюльен.	"	"	"
Мурсид.	Валуку.	"	Два буйвола.
Садья.	Сангьер.	"	Один буйвол.
Ридьяль.	Тыммонтог.	"	Два буйвола.
Калар.	Бадур.	"	"
Маман.	Тыпурт.	"	Один буйвол.
Калим.	Каду Лебу.	"	"
Асмиль.	Каду Гавьер.	"	"
Ранга.	Каду Дамас.	"	"
Марине.	Тысангсанг.	Гуп. Кимтияна.	"
Сариада.	"	"	"
Дьепю.	Тыдадаа.	Керта.	"
Дьял.	Тыиуру.	"	"
Баис.	Лебак Тытра.	Тыкуссик.	Два буйвола.
Асмиль.	"	"	Один буйвол.
Маинтен.	Тыкатампе.	"	"
Айми.	Тылегог.	"	"
Мутасси.	Тыгинганг.	"	"
Мандая.	Каду Ламбу.	Комнак.	"
Ардай.	"	"	"
Альиан.	Ларисбонгур.	"	"
Арпай.	Тыкарио.	Тылелес.	"
Абьел.	Тымеран.	"	"
Дакир.	Дорогдалонг.	"	"
Муктар.	Серезе.	"	"
Ассие.	"	"	"

Довольно ли с вас этого, избиратели?

Видите, как неправильно вы поступили, назвав Мультаули писателем, между тем, как все торжественное однообразие его рассказа о Са-

идея есть не более, как плагиат *), список с печальной действительности!

Один буйвол! Еще один буйвол!

Один буйвол! Да! Но в итоге: тридцать шесть буйволов! Это не так уж много, думаете вы?

Однако за один месяц! Разве этого по-вашему недостаточно, избиратели?

Тридцать шесть буйволов за один месяц в одном округе! Это не так уж много, думаете вы?

Хорошо, но повторяю: в одном округе! Этого вам недостаточно, избиратели?

Тридцать шесть буйволов за один месяц в одном округе? Это не так уж много, по-вашему?

Хорошо! Лебак имеет пять округов... помножьте, говорю вам!

Пятью тридцать шесть составит сто восемьдесят! Довольно ли этого с вас, избиратели?

Сто восемьдесят буйволов, отнятых у населения Лебака в течение одного месяца! Это не так уж много, думаете вы?

Хорошо! но в году двенадцать месяцев... помножьте, говорю вам!

Двенадцать раз по сто восемьдесят составят две тысячи с лишним! Довольно ли с вас этого, избиратели?

Более двух тысяч буйволов, отнятых у населения провинции Лебак в течение года! Это не так уж много думаете вы?

Хорошо! Но резидентство Бантам имеет пять провинций... помножьте, пожалуйста!

Пять раз по две тысячи буйволов составят

*) Плагиат — литературная „кража“, заимствование у другого писателя.

десять тысяч буйволов! Довольно ли этого, избиратели?

Десять тысяч буйволов, отнятых в течение года у населения резидентства Бантам! Это не так уж много, по вашему мнению?

Хорошо! Но, наконец: Ява имеет несколько резидентств. Число их меняется. Возьмите отношение населения Бантама к населению Явы *), и умножьте, прошу вас!

Двадцать четыре раза по десять тысяч буйволов составят двести сорок тысяч буйволов. Довольно ли с вас этого, избиратели?

Двести сорок тысяч буйволов, отнятых в течение одного года у яванского населения! Это не так уже много, по-вашему?

Итак, наконец: Ява — лишь один из принадлежащих вам островов. Трудно определить с точностью, но мы можем сказать приблизительно, что яванское население относится к населению всех островов, как один к трем. Но так как в других местах благосостояние ниже, и так как в других частях ваших владений нельзя так грабить, как на Яве, то я предлагаю вам на этот раз помножить только на два: помножьте, говорю я вам!

Два раза по двести сорок тысяч буйволов составят четыреста восемьдесят тысяч буйволов. Довольно ли этого с вас?

Четыреста восемьдесят тысяч буйволов, отнятых за год у так называемого нидерландско-индийского населения! Это не так уж много, думаете вы?

Хорошо же! Наконец, действительно в по-

*) Бантам в 50-ых годах имел 500 т. жителей, а население Явы равнялось в то же время двенадцати миллионам.

Наконец, достаточно ли с вас этого, о, ииндерландские избиратели?

Если же и этого недостаточно, то я предложу вам произвести еще раз умножение той цифры притеснений и вымогательств, о которых говорят мои данные по Паранг-Кудьянгу, — на число грабежей, о которых не дошло до моего сведения благодаря тому, что жалобщики были убиты и брошены в реку по дороге к моему дому!

Проклятие еще раз тому, что вы так туги на ухо, и что я должен прибегать к насмешке, чтобы быть понятым. Я надеюсь, что вы теперь поняли, избиратели, почему мне нельзя польстить, выдавая мне диплом искусного рассказчика? Есть ли в списке украденных буйволов стиль, поэзия и дух? Разве этот список менее тощ и скуден и менее пахнет «делами», чем ваши торговые заметки?

Разве вам было бы приятнее, если бы я к каждому случаю воровства — к воровству официальному: о не-чиновных ворах мы здесь не говорим, — если бы я к каждому случаю воровства пристегивал новый рассказ, если бы я вышивал новые узоры нужды на канве каждого нового преступления? Если бы я создавал новую любовь и новое отчаяние при каждом новом неисполнении долга? Но, избиратели, ведь этого не делаете и вы в ваших прошениях, заметках и т. д.

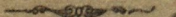
Столько-то связок, столько-то тюков, столько-то бочек...

Почему же вы мне не верите?

Но я не требую веры. Есть очень простое средство убедиться, все ли количество украденных буйволов внесено в список грехов того, кого это касается. Позвольте мне дать вам адрес этого человека:

Его зовут Альбертус Якобус Даймер ван Твист... *)

.....

*) Генерал-губернатор голландских колоний Ост-Индии во время пребывания в них Мультигули.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие, Р. Григорьева . . .	5— 12
О происхождении власти	13— 28
Сказки и притчи	29— 60
Перуанская сказка	61— 80
Скучный рассказ о буйволах и Сандье.	81—107
Письмо к избирателям	108—121

Состоящее при Народном Комиссариате по Просвещению издательство „*Всемирная Литература*“ ставит своей задачей дать в переводе на русский язык все наиболее выдающиеся произведения мировой художественной литературы, начиная с конца XVIII века и до наших дней.

С этой целью издательство „*Всемирная Литература*“ выпускает в свет две серии книг: основную и народную библиотеку.

Основная библиотека включает в себе собрание сочинений европейских, американских и колониальных писателей, избранных с таким расчетом, чтобы книги этой серии по окончании издания составили систематически подобранную библиотеку, могущую служить не только материалом для чтения, но также пособием к изучению истории мировой литературы во всем разнообразии ее национальных оттенков, литературных школ, течений и художественных форм изложения.

Составляя неразрывные части единого целого, книги основной библиотеки бу-

дут по техническим условиям выходить вне порядка, указанного в каталоге, а в зависимости от времени их напечатания.

Общее количество книг основной библиотеки—около 1500 томов. Средний размер тома—около 20 печатных листов (320 стр.).

Народная библиотека состоит из небольших по объему книг, доступных пониманию и восприятию самых широких масс русской демократии.

Пользуясь художественной литературой, как могучим средством культурного воздействия и международного единения, народная библиотека имеет целью познакомить читателя с наиболее интересными особенностями исторических судеб, культуры, быта и психики европейских наций, а главное—с теми сокровищами веками накопленных знаний и культурных навыков, которые, являясь достоянием всего человечества, служат надежным залогом братства всех людей—залогом грядущего Интернационала.

Количество книг народной библиотеки—около 2500 томов. Размер отдельного тома—около 4 печ. листов (64 стр.).

Книги обеих библиотек снабжены необходимыми пояснениями и вступительными

Издательство „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“.

статьями как историко-литературного, так и общеобразовательного содержания.

В первую очередь выйдут в свет переводы с французского, английского, немецкого, итальянского, испанского, португальского, шведского, норвежского, датского и голландского языков. Вторую очередь составляет литература западных славян, мадьяр, а также отдельная обширная серия литератур и словесности Востока.

Заведующие Издательством: *М. Горький, Э. М. Гржебин, М. П. Ладыжников, Я. М. Тихонов.*

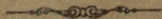
Редакционная Коллегия экспертов:

Ф. Д. Батюшков, А. А. Блок, Ф. А. Браун, А. Л. Волинский, М. Горький, Н. С. Гумилев, Я. Я. Левином, Г. Л. Лозинский, Я. М. Тихонов, К. Чуковский.

В редакционной работе принимают участие:

Е. А. Агамов, В. А. Азов, Ю. М. Айхенвальд, А. В. Амфитеатров, А. М. Аничкова, Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, Я. М. Бекун, Е. М. Браудо, В. А. Брим, А. А. Брок, В. Я. Брюсов, Э. Я. Венгерова, А. В. Ганзен, М. О. Гершензон, Я. Я. Ги-

Зетти, Э. Ж. Турпиус, П. П. Тнедич,
К. М. Треве, Р. Т. Тригорьев, Б. А. Трифцов,
П. К. Тубер, А. Ф. Дамакская, Ю. А. Данзас,
О. А. Добиаш, М. А. Жирмунский, Б. А. Жу-
ховецкий, Е. М. Замятин, С. М. Зарудный,
Ф. Ф. Зелинский, Вяч. Иванов, В. П. Измал-
ков, Вл. Каренин, Л. П. Карсавин, П. С. Ко-
ган, Я. Ф. Кони, М. А. Кузмин, А. И. Куприн,
М. Е. Левберг, Ж. О. Лернер, Е. П. Леткова,
М. Л. Лозинский, Я. В. Лумачарский, Е. Т.
Лундберг, М. И. Манухина, П. П. Муратов,
С. Ф. Ольденбург, П. П. Пегцов, С. А. Поляков,
Ж. И. Потапенко, С. Э. Раглов, Э. Л. Раг-
лов, Я. М. Ремизов, Я. Ж. Римский-Корса-
ков, Я. Ж. Серебров, Б. П. Сильверсман,
Ф. Сологуб, В. В. Струве, Я. Тугендхольд,
Т. П. Федотов, В. Ф. Ходасевич, М. Цве-
таева, Я. Ж. Чеботаревская, В. А. Чудовский,
Ж. Л. Шапир, С. И. Штейн, С. В. Штейн,
Б. М. Эйхенбаум и др.

Издательство „ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“.

ВЫШЛИ В СВЕТ И ПРОДАЮТСЯ.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОТЕКА:

А. Лесаж	— Хромой бес. Тюркаре.
Г. де-Мопассан	— Милый друг.
А. Франс.	— Остров Пингвинов.

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА:

№№

1. О. Мирбо	— Деревенские рассказы.
2. Мультатули	— Рассказы.
3. Марк Твен	— Приключения Тома.
4. Г. Д'Аннунцио	— Пескарские рассказы.
5. А. Шамиссо	— Петер Шлемиль.
6. А. Франс	— Дело уличного торговца.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

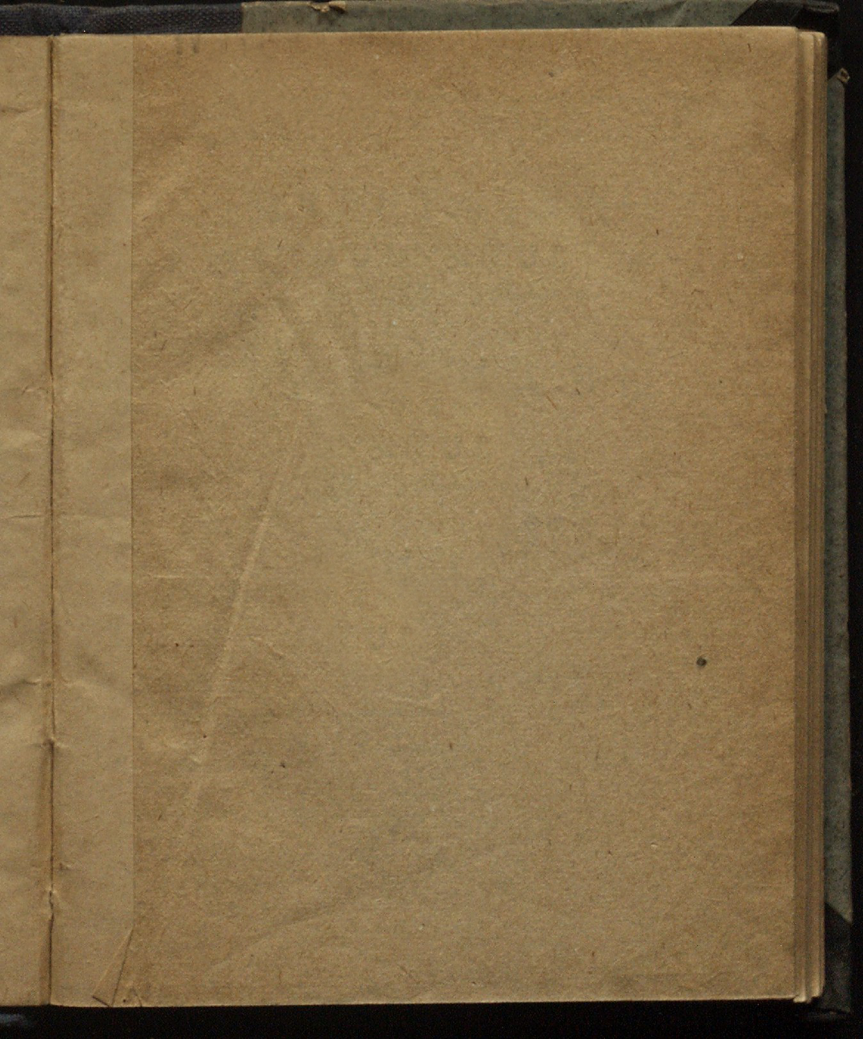
ОСНОВНАЯ БИБЛИОТЕКА:

Ч. Диккенс	Повесть о двух городах.
"	— Наш общий друг.
"	— Большие ожидания.
"	— Жизнь и приключения
Николая Никкльби.
"	— Жизнь и приключения
Мартина Чеззльвита.
"	— Домби и Сын.
А. Лесаж	— Жиль Блаз.
Г. Флобер	— Саламбо.
"	— Воспитание чувства.
Г. де-Мопассан	— Сильна как смерть.
Вальтер Скотт	— Уэверли.
"	— Роб-Рой.

<i>Гонкоро</i>	— Братья Земганно.
<i>Б. Ибаньес</i>	— Власть мертвых.
<i>Али Браун</i>	— Письма маркизы.

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА:

<i>Марк Твен</i>	— Принц и нищий.
<i>Б. Ибаньес</i>	— Валенсианские расск.
<i>Вальтер Скотт</i>	— Черный карлик.
<i>Г. Уэллс</i>	— Спящий пробуждается.
"	— Машина времени.
"	— Невидимка.
"	— Борьба миров.
<i>А. Франс</i>	— Чудо св. Николая.
"	— Сказка о сорочке.
<i>М. Сьерра</i>	— Благословенная весна.
<i>А. Нордстрем</i>	— Обыватели.
<i>Дж. М. Бэрри</i>	— Белая птичка.
<i>Г. Р. Хапард</i>	— Копи царя Соломона.
<i>Г. Деледда</i>	— Сардинские рассказы.
<i>Г. аф-Гейерстам</i>	— Любовь и др. рассказы.
<i>Ю. Юриенсон</i>	— Африканские рассказы.
<i>О. Гольдсмит</i>	— Векфильдский священник.
<i>Г. Федерер</i>	— Прометей и др. расск.
<i>Д. Лондон</i>	— Сын волка.
<i>И. Бат</i>	— Четыре диавола.
<i>И. Иенсен</i>	— Гиммерландские расск.
<i>О. Уайльд</i>	— Сказки.
"	— Гранатовый дом.
"	— Рассказы.
<i>Вольтер</i>	— Загид.
<i>С. Т. Коридж</i>	— Поэма о старом моряке.
<i>Робин Гуд</i>	— Поэма.

46

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ПЕТЕРБУРГ.
Проспект 25 октября в Невский, 64.

ЦЕНА 4 руб.